

Алая зима

Автор:

Аннетт Мари

Алая зима

Аннетт Мари

Алая зима #1

Эми – камигакари. В считанные месяцы ее жизнь в качестве смертной девушки подойдет к концу, и она станет сосудом для божества. Эми тщательно оберегают от тех, кто стремится ее уничтожить, а сама она без устали готовит разум, тело и душу для единения с богиней – еще ни на миг не усомнившись в предрешенной судьбе.

Широ – ёкай, земной дух, враг богини, с которой вскоре сольется Эми. Каждый его шаг окутан тайнами, а в рубиновых глазах блестит лукавство, коим Эми не обладает и коему не осмеливается доверять. Однако Эми спасла ему жизнь, и теперь, пока сей долг не оплачен, Широ в ее распоряжении – желает она того или нет.

В день их встречи все, во что Эми верит, вдруг рушится, летит прочь, словно снежинки на зимнем ветру. Она впервые жаждет изменить судьбу – но как можно перекрыть то, что неизбежно? Единственной надеждой Эми в противостоянии с мощью богов становится Широ... и, кроме этой надежды, у нее нет больше ничего.

Аннетт Мари

Алая зима

Copyright © 2016. Red Winter by Annette Marie.

The moral rights of the author have been asserted.

© К.Г. Гусакова, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Дорогие читатели!

Трилогия «Алая зима» вдохновлена богатой мифологией Японии.

И пусть мир на этих страницах основан на культуре уникальной, манящей и вполне реальной страны, все же во многом он – творение моего воображения.

Надеюсь, история вам понравится!

Аннетт Мари

ПРИМЕЧАНИЕ ОБ ИМЕНАХ

В конце книги расположен полный глоссарий имен и понятий с определениями.

Глава 1

Эми замерла у начала тропинки. Где-то посреди этого леса располагался храм, в котором ей предстояло провести последние два месяца в роли простой смертной.

За спиной в неподвижной тишине глухо ворчал двигатель машины, из которой Эми только что вышла. Грунтовую дорогу, огибающую покатым склоном горы, укрывал плотный слой яркой листвы – ездили здесь, судя по всему, редко. Вдоль дороги вздымались массивные деревья – эдакий частокол, рубеж, который разрывала лишь тропинка, что убегала вперед от самых ног Эми.

Хлопнула дверь, и Эми вздрогнула, оторвав взгляд от темного прохода меж деревьев. Ее сопровождающий открыл багажник и извлек пару простеньких чемоданов, а потом обогнул машину и небрежно уронил их на землю рядом с Эми. Она хмуро глянула сперва на свой багаж, потом на сопровождающего.

– Благодарю, Акио, – вежливо произнесла она.

Затем ее вниманием вновь завладела тропа. Подул прохладный ветерок, взметая длинные волосы Эми. Дыхание сорвалось с губ облачком пара. Стояла лишь середина осени, но ветер принес с собой ледяной привкус зимы. Между горными пиками, заслоняя лучи вечернего солнца, тянулись серые облака.

Под ногами зашелестела, захрустела сухая листва – кто-то приближался. Эми пригладила волосы и встряхнула длинными, мешковатыми рукавами кимоно так, чтобы те легли поизящнее. Как только она чинно сложила перед собой руки, из теней на тропу спешно шагнули три человека.

Первым шел пожилой мужчина с обветренным лицом и широкой улыбкой. Его темно-фиолетовые одежды – традиционное одеяние каннуши, священника храма – неподобающе развевались. Он бросился к Эми с раскинутыми в стороны руками, но не успела она испугаться, что ее сейчас обнимут, как мужчина вдруг затормозил и склонился в низком, полном уважения поклоне.

– Госпожа! – Хриплый голос священника дрогнул от волнения. – Такая честь, такая честь! Добро пожаловать в храм Шираюри. Наш дом невелик и скромно – уверен, к подобному вы совершенно не привыкли, – однако все, чем мы располагаем, к вашим...

Каннуши осекся – его прервала вновь хлопнувшая дверь. Повернувшись, Эми в растерянности увидела, что Акио уже за рулем. Взревел двигатель, автомобиль круто развернулся и рванул по дороге прочь. Эми, к щекам которой прилил жар, проводила его изумленным взглядом.

– Прошу простить неучтивость моего сопровождающего... – запнувшись, произнесла она. – Я... я затрудняюсь...

Эми умолкла, не зная, как объяснить, почему Акио столь унижительно внезапно уехал. Ей не хотелось рассказывать, что он уже полгода спал и видел, как от нее избавиться. Работа нянькой, как он выражался, его совершенно не устраивала.

Каннуши взмахнул руками.

– Не стоит беспокоиться, госпожа. Чужачества сохэев мне прекрасно знакомы. Выбирают их, впрочем, не за безупречные манеры, верно, Минору?

Он добродушно улыбнулся, глянув через плечо на одного из своих спутников. Приятное, открытое выражение лица Минору смягчало исходящий от него тонкий флер угрозы – а вот деревянный посох, увенчанный футовым лезвием, напротив, его подкреплял. Однако Эми давно уже привыкла к вооруженным и смертоносным сохэй. У нее не было нужды бояться храмовой стражи.

Каннуши вновь развел руки.

– Что ж, позвольте нам наконец представиться, ибо сколько же можно стоять на этом ветру! Я Фуджимото Хидейоши, каннуши храма Шираюри. Это Минору, он обучался у лучших, и его единственный долг, как вы знаете, – оберегать вас, госпожа.

Эми поприветствовала Минору легкой улыбкой, и он ответил тем же. Эми немного успокоилась. Может, этот сохэй не станет презирать ее так, как Акио. Может, в здешнем храме ей будет лучше, чем в прошлом.

– А это, – продолжил Фуджимото, указав на женщину позади Минору, – милая Нанако, наша почитаемая мико на протяжении уже почти двадцати лет.

Почти во всех храмах была по крайней мере одна мико – дева, которая помогает каннуши в проведении обрядов. Нанако чинно стояла рядом с Минору, спрятав ладони в просторных рукавах белого кимоно. Помимо него она носила красные хакама – широкие, складчатые штаны. Точно такое же облачение красовалось и на Эми – правда, с небольшим отличием. Одежда Нанако была старой, потрепанной; на потускневшей ткани тут и там виднелись аккуратные стежки. Одевание Эми, напротив, сшили из прекрасных материалов; кимоно было безупречно белым, как свежий снег, а хакама – алыми, словно красная паучья лилия, растущая в лесах и на высокогорных лугах.

Эми вновь робко улыбнулась, а вот Нанако ответила ей коротким кивком и неприветливым взглядом карих глаз. Эми сдержала вздох. Может, здешний храм ничуть не лучше прежнего. Впрочем, это было не так уж важно: через два месяца Эми уйдет, и неприязнь мико, да и любого другого человека, если уж на то пошло, перестанет ее беспокоить.

К ужасу Эми, вместо того чтобы наконец оставить эту пустынную дорогу и отправиться в путь, Фуджимото пустился в пересказ краткой истории своего храма. Однако Эми все равно внимательно выслушала, как больше тысячи лет назад храм выстроили на самом краю почти не изученных дебрей на севере, и как он бывал разрушен в ходе войн или из-за непогоды, но местные жители всякий раз с любовью его восстанавливали, и в последний раз это произошло два столетия назад.

Холодный порыв ветра вновь хлестнул по деревьям, взметнув тут же закружившую в воздухе осеннюю листву. Прервав на полуслове свой рассказ о том, как недавно обновили жилые помещения, Фуджимото схватился за свою чуть было не улетевшую высокую шапочку.

– Прошу прощения, – пробормотал он, взмахом руки приглашая Эми проследовать за ним. – Почему бы нам не перебраться в более теплое место?

Эми с благодарностью шагнула за каннуши на тропу, оставив позади Минору и Нанако, и с тревогой вскинула взгляд вверх, на сомкнувшиеся над ними кроны. Зеленые ели и сосны перемежались усыпанными желтыми, рыжими и красными листьями ветвями. Временами встречались и голые сучья, криво торчащие из этого цветного великолепия, словно руки скелетов.

Сзади кашлянули, и Эми замерла. Оглянувшись, она увидела Минору на полпути между ней и дорогой, на которую тот указал кивком.

У обочины сиротливо стояли позабытые чемоданы.

Фуджимото, покраснев, заломил руки.

– Минору, будь добр, прихвати багаж госпожи, – быстро произнес он, явно сконфуженный.

– Увы, не смогу, – ответил тот спокойным, глубоким голосом, способным развеять любой страх, и легонько стукнул посохом о землю. – Нельзя стеснять движения, на всякий случай.

– Ах да, да, сохранность госпожи... Разумеется.

– Я... я могу сама, – выпалила Эми. Ей раньше никогда не приходилось носить свои чемоданы. Она даже не знала, насколько они тяжелы, и тем не менее она была готова их поднять. С руками ведь все в порядке.

Эми поспешно шагнула к багажу. Фуджимото, издав очередной вопль, схватил ее за локоть. Эми охнула.

Забормотав извинения, каннуши тут же отдернул руку – так, словно обжегся. Эми попятилась, восстанавливая самообладание, обволакивая им себя, словно незримым плащом, и изобразила сдержанное спокойствие, дабы скрыть истинные чувства.

– Посланник Шиона все тебе объяснял, – прервала Нанако поток извинений Фуджимото. Эми настолько изумилась тому, как грубо Нанако обращается к вышестоящему, что с трудом сохранила бесстрастное выражение лица. – Ты знаешь правила о прикосновениях к госпоже. – Подчеркнув последнее слово, Нанако окинула Эми холодным взглядом. – Я отнесу ее чемоданы.

Она прошла мимо Эми, и ее широкие хакама захлопали на ходу. Разве мико не знала, что штаны не станут столь неподобающе развеиваться, если делать шаги поменьше? Эми упомянула бы это вслух, но промолчала – из-за насмешки,

прозвучавшей в голосе Нанако, когда женщина произнесла слово «госпожа». Эми уже слышала подобную насмешку и понимала, что она означает.

Эми проследовала за Фуджимото глубже в лес. Тропа позволяла нескольким людям идти в ряд, однако Эми держалась на несколько шагов позади каннуши. Следом шел Минору, а Нанако, держа в каждой руке по чемодану, тащилась последней.

Под сандалиями Эми шуршала опавшая листва. Помимо этого тихого шороха тишину нарушало лишь журчание ручья неподалеку. Присутствие Минору утешало – никто и ничто ей не навредит, пока рядом опытный сохэй. Он скорее умрет сам, чем позволит ей пострадать. Акио, несмотря на свои чувства, поступил бы точно так же.

Из теней выступило знакомое строение, и напряжение отступило еще на шаг. Впереди показались две деревянные колонны, обрамляющие тропу. Перекладина, закрепленная почти у самого верха, образовывала подобие арки, а та, что была над ней, потолще, изгибалась концами к небу. Врата, которые назывались тории, обозначали конец территории смертных и начало земель храма – владения ками.

Фуджимото без раздумий пронесся сквозь врата. Эми же остановилась перед ними и обвела взглядом потускневшую красную краску. Смежив веки, она церемонно поклонилась, чтобы выразить уважение священному месту, и лишь потом переступила его порог. Как только ее нога ступила на тропу с другой стороны – на вид точно такую же тропинку, как и в лесу, – Эми окутало спокойствие. Здесь она была в безопасности.

Поравнявшись с Фуджимото, Эми наконец заметила, как он покраснел – еще сильнее, чем в прошлый раз. Минору, приблизившись к тории, помедлил, но затем быстро поклонился, следуя примеру Эми. Последней врата миновала Нанако, ничуть не поколебавшись. Пройдя рядом с остальными, она устремилась дальше по каменным ступеням. Ее сандалии хлопали с каждым шагом – резко, словно удар хлыста.

Эми, покусывая нижнюю губу, отправилась следом за Фуджимото. Она вовсе не хотела пристыдить каннуши тем, что исполнила ритуал, которым он неосмотрительно пренебрег, однако не могла войти без поклона в новый храм –

тот, что станет ее пристанищем, пусть и временным – это было бы вопиющим непочтением.

Да и в самом деле, он ведь каннуши и должен в первую очередь придерживаться всех ритуалов. Это ведь его собственный храм.

Эми, размышляя о необычном характере Фуджимото – он был дружелюбен и вполне располагал к себе, но в то же время ему не хватало хладнокровия и достоинства, которые она привыкла видеть в каннуши, – поднялась по ступеням ко вторым, более крупным тории, что вели уже к самому храму. Она вновь поклонилась и ступила на широкие, идеально подогнанные по размеру камни. На другом конце длинного двора располагалось главное здание храма, двухэтажное, увенчанное традиционной крышей со свесами, загнутыми кверху, подобно однажды свернутому листу бумаги, которому уже никогда не распрямиться.

Пока Эми разглядывала храм, такой же ветхий и выцветший, как облачение Нанако, и столь же заботливо восстановленный, возле ее носа мелькнуло что-то белое. А потом еще, и еще, и вскоре повсюду закружились снежинки. Эми подняла лицо к затянутому тучами небу, и ей на кожу упали несколько крошечных, холодных кристалликов.

– Первый снег! – воскликнул Фуджимото. – А ведь сегодня только второе ноября. Даже в горах снег обычно выпадает лишь в середине декабря.

Послышался стук шагов по каменной тропе – кто-то подошел, пока Эми глядела вверх. Первый снег ее последней зимы. Она мысленно себя одернула. Не совсем последней, конечно же, но прежде, чем ее кожи вновь коснется весеннее солнце, все изменится.

– О, гляньте-ка, кто пришел! – радостно произнес Фуджимото. – Госпожа, позвольте представить вашего второго стража, подающего большие надежды сохэя прямиком из Шиона. Быть может, вы уже встречались?

Эми, прекратив разглядывать снежинки, повернулась к каннуши и увидела рядом с ним новоприбывшего. Ее кровь обратилась в лед и разбилась в венах острыми осколками.

– Моя госпожа, это...

– Катсуо! – охнула Эми, не сдержавшись.

– Ага! – Фуджимото перевел взгляд с одного из них на другого. – Как я понимаю, вы все-таки знакомы.

Молодой человек неуверенно ей улыбнулся. Ну разумеется. В последний раз Эми видела Катсуо три года назад, но его лицо оставалось до боли знакомым – глаза, такие темные, но в то же время почему-то исполненные теплоты, спутанные черные волосы, отброшенные со лба так, что видно залегшую меж бровей морщинку. О да, они были знакомы. Страж так часто являлся Эми в кошмарах, что она никогда не забудет его лицо.

Ее ошарашенный взгляд заставил улыбку Катсуо померкнуть.

Фуджимото прокашлялся.

– Моя госпожа, могу ли я вам предложить пройти по...

– Я устала, – перебила его Эми, кланяясь в знак извинения, – и хотела бы отдохнуть. Прошу, проводите меня в мои покои.

Фуджимото изумленно открыл и закрыл рот, словно выброшенная на берег рыба.

– К... конечно, да. Мико Нанако уже отнесла ваши вещи. Минору, Катсуо, вы не могли бы?..

– Безусловно, – отозвался Минору. – Госпожа?

Эми оторвала взгляд от Катсуо и, пошатнувшись, шагнула к Минору. Остановившись, расправила плечи и вновь окутала себя спокойствием, которое выглядело ровной, ничего не выражающей маской – подобной тем, что носили

актеры театра но на сцене. Никто не увидит ее внутренних переживаний. Никто не узнает, что один вид Катсуо заставляет ее дрожать, вызывает такое множество жутких воспоминаний и чувств, что когтями продирают путь на поверхность... Нет. Эми вновь их похоронила.

Бросив на нее встревоженный взгляд, Минору повел Эми к высокому дубу, чьи узловатые ветки с желто-рыжей листвой нависали над доброй половиной двора. Тропа огибала это древнее дерево, а затем уходила дальше, за крупные валуны и подстриженные кусты по левую руку, к подернутому рябью пруду, который поглощал опускающиеся на его поверхность снежинки.

Когда они с Минору достигли деревянного мостика, изгибавшегося над самой узкой частью пруда, Эми вновь замерла – но на этот раз не для того, чтобы поклониться или исполнить какой-нибудь еще ритуал приличия. По коже, словно насекомые с колючими лапками, пробежали мурашки от страха, и она уставилась на мост, на зеркальную поверхность воды, скрывающую под собой неизвестное.

«Там ничего нет, – сказала себе Эми. – Совершенно ничего. Обычный садовый пруд, прямо посреди священной земли, у самого храма. Здесь нечего бояться».

И все же Эми по-прежнему не могла заставить себя шагнуть к мосту.

Она не знала, сколько простояла так, оцепенев, пока вдруг не заметила, что Катсуо оказался рядом, а в его глазах мелькнуло понимание. Понимание, в котором Эми совершенно не нуждалась. Она не хотела иметь с сохэем ничего общего, разве он не видел?

Судя по всему, нет, ведь он наклонился ближе.

– Дом на другой стороне пруда, – тихо произнес Катсуо. – Могу я вас проводить, госпожа?

Она уставилась на снежинки, которые таяли на каменных плитах.

– Эми? – прошептал Катсуо.

Она вздрогнула, посмотрела ему в лицо и тут же отвела взгляд. Катсуо сделал еще шаг и остановился. Эми неохотно с ним поравнялась. Он продолжил медленно идти, и Эми, глубоко дыша, следовала его примеру. Резкий стук деревянных сандалий о каменные плиты сменился глухим – о доски мостика. Эми сосредоточилась на них и, стараясь держаться поближе к середине, делала маленькие, осторожные шаги. Она ни за что не стала бы непристойно лететь вперед так, что у нее бы развевались хакама. Это совершенно неприемлемо.

Когда они достигли берега, Катсуо невзначай отстал. Эми попыталась вернуть на лицо маску спокойствия, но ничего не вышло.

– Моя комната?.. – хрипло спросила она.

Ни Минору, ни Катсуо никак не прокомментировали представление, которое она устроила перед безобидным мостиком. Катсуо знал, почему мосты вызывают у нее такую панику, а вот Минору, наверное, подумал, что она слишком чувствительная и нервная. Если, конечно, Катсуо ему не рассказал правду. Может, они обсуждали Эми перед ее прибытием.

Мужчины увели Эми прочь от воды и проклятого моста, и по пути она даже не стала разглядывать ни изящную одноэтажную постройку в форме подковы, ни прекрасный сад с деревьями и цветущими кустарниками, к которому был обращен приподнятый деревянный настил, тянущийся вдоль дома.

Завернув за угол, Катсуо распахнул дверь и отошел, приглашая Эми войти. Переступив порог, она выскользнула из сандалий и шагнула на гладкий деревянный пол небольшой прихожей, соединявшейся с наружным настилом.

– Вам сюда, госпожа, – произнес Минору, указав вправо – туда, где располагалась единственная сдвижная дверь, обращенная к саду.

– Совсем не похоже на Шион, – извиняющимся тоном добавил Катсуо. – Знаю, вы привыкли к лучшим...

Сохэй прекрасно знал, что с тех пор, как она жила в Шионе, прошло уже три года. Неужели он и в самом деле думал, что за это время она так и не сумела привыкнуть к более скромным пристанищам?

Эми не желала больше слышать его голос. Неважно, как спокойно он звучал теперь, она слышала лишь панику и ярость, с которыми он хрипло выкрикивал ее имя, или еще хуже, надтреснутую скорбь, что последовала потом.

«Слишком поздно. Прости... мы пришли слишком поздно».

Нет, Эми не собиралась возвращаться к этим воспоминаниям – по крайней мере, не наяву. Раз уж она не могла спастись от кошмаров по ночам, терзать себя ими еще и днем не было нужды.

Эми молча поклонилась спутникам в знак благодарности, сдвинула дверь и, шагнув через порог, закрыла ее вновь, прежде чем Катсуо успел сказать что-нибудь еще. Следующие два месяца спальней Эми должна была стать эта простая прямоугольная комната, расположенная на самом краю дома так, что смежная стена у нее была лишь одна – и та с коридором, но не с остальными комнатами. Таким образом Эми могла насладиться большим уединением, нежели обычно.

Она неслышно прошла в середину комнаты, мягко шагая в носках по плетеным татами, устилающим пол. Чемоданы стояли рядом с самыми обычными столом и стулом. У восточного окна, которое выходило на пруд и храм, лежало несколько подушек. Южную стену наполовину занимал шкаф, где предстояло храниться одежде и постельным принадлежностям, а другая ее часть была отведена под небольшую нишу с красивым свитком-какэмоно на стене и низеньким, узким столиком, где Эми могла устроить личный алтарь для молитв.

Комната была простенькой, но чистой и уютной. Неплохо.

Медленно приблизившись к подушкам, Эми устало рухнула на них. Неплохо для пары месяцев, а потом все изменится. Все эти людские страхи и переживания станут бессмысленны. Ее будущее начертали ками, и судьба уже предопределена.

Взгляд Эми скользнул в сторону невидимого моста. Надо лишь выдержать еще два месяца обыденной, хрупкой смертной жизни.

Глава 2

Никто так и не пригласил ее к ужину.

Эми поерзала на подушках у окна. Кто-то же должен за ней прийти, верно? Ведь бродить по дому в поисках еды – это ужасно невежливо. Она постучала пальцами по коленке. А что, если ужин даже и не готовят?..

Подтянув чемодан поближе, Эми хмуро оглядела его содержимое. В предыдущих храмах мико всегда успевала разложить ее одежду, прежде чем она сама вообще оказывалась в комнате. Нанako бросила ее багаж нетронутым. Что, впрочем, было неплохо. Эми аккуратно сложила вещи и спрятала их в ящики шкафа самостоятельно. Не такая уж сложная задача. В чемодане же остался единственный предмет – простая деревянная шкатулка с металлическим крючком.

Такой замочек, конечно, никого не остановит, но хотя бы намекнет, что внутри хранится нечто личное. Эми извлекла шкатулку из чемодана и открыла ее крышку. Поверх скромных сокровищ лежал дневник в кожаной обложке с потертыми краями. Для таких, как Эми, обладание материальными ценностями... не поощрялось. Содержимое шкатулки было единственным, чем она владела, помимо вещей, напрямую связанных с искусством мико.

Подняв дневник, Эми улыбнулась. То, что скрывалось под ним, показалось бы любому другому лишь бесполезным набором камешков, перьев, высушенных цветов и листочков. Однако каждая вещица служила напоминанием – о том, что лишь Эми считала особенным. Кусочек гальки из сада при храме в Тсутсуджи, где она впервые исполнила танец кагура в одиночку перед зрителями. Лоснящееся черно-белое перышко, которое она нашла в парке в Шионе после торжественного обеда с другими мико – тот день был наполнен смехом и солнечным светом. Единственная ракушка из путешествия к великому храму; он располагался на берегу океана, и во время прилива о деревянные настилы плескались мягкие волны, а при отливе вдаль простирался бесконечный пляж.

Впрочем, самой драгоценной вещью для Эми был дневник. Она погладила его кожаную обложку пальцами, зная каждую трещинку, каждую выпуклость. Эми записывала в него каждый день с тех пор, как ей исполнилось восемь, – хотя бы парой строк. Скоро ее жизнь полностью изменится, станет совсем иной, новой. И

Эми не хотела забыть, кем была изначально, и глупые смертные мысли, которые когда-то занимали ее дни. Важно помнить свои истоки.

Эми пролистнула дневник и открыла самую первую запись – с пометкой «21 декабря».

Вчера было зимнее солнцестояние. Мне приснилась заснеженная поляна в лесу. А там – красивая женщина с темно-каштановыми волосами до самой земли и такими добрыми глазами, каких я ни у кого не видела. Она улыбнулась и опустила ладонь мне на макушку. Я еще никогда не была так счастлива, как в этом сне.

А утром я проснулась и увидела у себя на груди ее знак, прямо над сердцем. Она меня избрала. Избрала.

Самый счастливый день жизни Эми. Самый важный, решающий миг.

И его превзойдет тот, что наступит через два месяца – зимнее солнцестояние спустя ровно десять лет. От одной лишь мысли внутри все сжалось от предвкушения. А следом тут же забурчал пустой желудок. Эми захлопнула дневник, сунула его в шкатулку и спрятала ее обратно в чемодан, решив найти укромное местечко для своих сокровищ попозже.

Поднявшись на ноги, она пересекла спальню и сдвинула дверь. За деревянным настилом, в мягком свечении окон, кружил снег. Эми неуверенно шагнула вдоль дома. Остальные жилые помещения, должно быть, располагались в его центре, откуда открывался лучший вид на сад и храм. И все-таки, почему никто не пришел?.. Солнце опустилось за горизонт час назад. Куда подевались Минору и Катсуо? Неужели так быстро оставили свои обязанности стражей?

Эми глянула на пруд и тут же перевела взгляд обратно на дом. Не стоит переживать, какие могут быть опасности на священной земле. Это уж как-то слишком, верно? Порыв ветра обжег кожу холодом, и она спрятала ладони в рукава.

Из ближних дверей, раздвинутых буквально на считанные дюймы, лился свет. Донеслись голоса – неспешная, хриплая речь Фуджимото и отрывистые фразы Нанако. Эми уловила запах мисо-супа и, сглотнув слюну, поспешила к дверям.

Но стоило ей протянуть к ним руку, как в нос ударила вонь горелого масла. Эми в нерешительности отпрянула.

– ...не бросил бы плиту, не пришлось бы переживать, что «госпожа» оскорбится.

До двери оставалось всего ничего, и резкие слова Нанако раздавались предельно четко. Вздрогнув, Эми снова отступила на шаг.

Голос Фуджимото прозвучал еще громче – каннуши стоял прямо за дверью:

– Отошел всего-то на минутку...

– А я и просила тебя последить всего-то минутку! – рявкнула Нанако. – Если ты так хотел впечатлить принцесску изысканным блюдом, то уж постарался бы подождать хоть тридцать секунд!

Фуджимото что-то пролепетал.

– И зачем ты только согласился? – Звякнули тарелки, сильнее запахло горелым. – У нас два фестиваля на носу и до зимы надо закончить ремонт крыши. И вот уж чего нам не хватало, так это семь недель нянчить дражайшую мико из Шиона. Она им настолько надоела, что они еще пару жалких месяцев потерпеть не могут?

– В Шионе для нее слишком опасно. Ты же знаешь, что случилось три года назад. – Фуджимото смущенно кашлянул. – Осталось лишь два месяца, и раз уж нам поручили заботу о ней, Шион великодушно предложил помощь с ремонтом крыши и не только, дабы отплатить нам за гостеприимство и...

– То есть тебя подкупили, – перебила его Нанако и грохнула чем-то вроде сковородки о плиту. – Не нужны нам их деньги.

– Дело не только в деньгах, – чуть ли не заныл Фуджимото и откашлялся. – Принимать камигакари – это честь. Первая камигакари за сотню лет, Нанако. И она в нашем храме! Это огромная честь.

Нанако фыркнула.

– Она не первая за сотню лет. Просто первая, кто прожил достаточно долго.

Эми снова вздрогнула и попятилась.

– Мико Нанако, – заговорил Фуджимото тверже, без былой дрожи в голосе. – Не смей нас позорить. Пока камигакари здесь, ты будешь обращаться к ней со всем уважением, дабы мы получили благословение ками.

Женщина чуть ли не зарычала.

– Буду прислуживать ее испорченному высочеству по мере своих сил. И у меня получится лучше, если ты, в свою очередь, не будешь портить ее ужин. А теперь надо готовить все заново, так что выметайся из моей кухни.

Фуджимото что-то проворчал, затем донеслись шаги. Эми мигом развернулась – носки скользнули по гладким доскам – и поспешила обратно. Коридор, который вел к прихожей, был ближе ее комнаты, поэтому Эми нырнула в него и прижалась спиной к стене. В спальню не вернуться – ее двери выходят напрямиком в сад, и Эми наверняка кто-нибудь да увидит. Она стиснула край длинного рукава, чувствуя, как это глупо – вот так стоять на месте. Вдобавок, даже если пробраться в комнату незамеченной, туда наверняка нагрянет Фуджимото с извинениями за поздний ужин. Решив избавиться себя от подобного общения, Эми прошла к двери, надела сандалии и выскользнула наружу.

Легкие тут же наполнились морозным воздухом. Эми вдруг ощутила укол унижения, готового вот-вот закрасться в душу, но лишь отмахнулась от него. Не ее вина, что в Шионе слишком опасно. И что последние три года ее через каждые шесть месяцев перевозят из одного крошечного, ничем не примечательного храма в другой. Не вина Эми, что Шиону приходится подкупать эти храмы, чтобы ее приютили, словно она какая-то грязная попрошайка. Как говорил Фуджимото: принимать ее – честь! Да, есть небольшая загвоздка, ведь с Эми обязательно прибывают и двое сохэев. Поэтому Шион и возмещает храмам

убытки, что вполне естественно. Верно?

Да и то, что ее так невзлюбила Нанако, тоже не вина Эми. Она не нравилась многим мико. Изначально ведь шанс был у любой из них. Может, Нанако тоже каждую ночь молилась, чтобы стать избранной. Однако выбор ками пал на Эми, а Нанако всю жизнь так и будет лишь самой обычной мико в захудалом, всеми забытом храме при маленьком городке среди гор.

Вздыхнув, Эми бесцельно зашагала по мощеной дорожке – обогнула дом, миновала сад и вышла напрямик... к мосту.

Ну и, разумеется, замерла на приличном расстоянии, дрожа в снегу и жалея, что слишком уж легко оделась для такой прогулки. Хотя, вообще-то, она и не собиралась гулять. Нервно пригладив волосы, Эми уставилась на ни в чем не повинный маленький мостик. Дюжина футов, не более. Пересечь его – секундное дело. Да и пруд наверняка совсем мелкий.

Три года назад мост был ненамного длинней. Да и ручей не был особенно глубоким.

Эми, зажмурившись, медленно вдохнула и выдохнула облачко пара, потом еще и еще. На восьмой раз она наконец двинулась вперед – осторожно и в то же время решительно. Тук, тук, тук – застучали сандалии по доскам.

Сердце колотилось, страх рос с каждым шагом. Последние пару футов Эми и вовсе преодолела прыжком, взмахнув руками, и неловко приземлилась на дорожку. Пруд остался позади и, казалось, молчаливо дразнил своей безмятежностью.

Ну, что ж, Эми прошла по мосту и даже не выставила себя полной дурочкой. Прогресс. Расправив хакама и встряхнув рукава кимоно, Эми чинно сцепила замерзшие руки и направилась во внутренний двор. Этот храм, как и многие другие, состоял из нескольких построек: крытый фонтанчик для омовения перед молитвой, подмостки для представлений и фестивалей, зал, где можно обратиться к ками, и святилище – маленькое сооружение, где сосредотачивалась сила ками. В столь заветное место имел право входить лишь каннуши.

А еще – пусть Эми их сейчас и не было видно – на территории находились хозяйственные помещения и пара кладовых для церемониальных принадлежностей и книг. Владения более крупных храмов включали в себя жилье для мико и для тех, кто только готовится к этой роли. При таких местах служили несколько каннуши. Иногда там даже обучали сохэев. В Шионе, например, было все это и даже больше.

На полпути к фонтанчику Эми вдруг поняла, что она не одна. Перед главным святилищем, в свете бумажных фонариков, замерли две девочки. Они глазели на храм, дрожа на ветру – голые ножки, видневшиеся из-под серых школьных юбок в складку, побелели от холода.

Одна из девочек наклонилась к другой.

– И что теперь делать? – шепотом спросила она. В мертвой тишине двора ее тихий голос было слышно так хорошо, словно она кричала.

Эми сдержала улыбку и, сменив направление, зашагала к девочкам. Те обернулись – лет четырнадцать-пятнадцать, судя по лицам, обе с модными стрижками каре и высветленными прядями.

Эми поклонилась.

– Могу я вам помочь?

– М-м... – Девочки переглянулись. – Да, пожалуйста...

– Вы очистили руки и рот водой из фонтанчика?

Они серьезно кивнули.

Эми обернулась к храму. Полдюжины ступеней вели к широкой платформе, где прихожан ждал деревянный ящичек для пожертвований. Между колоннами, которые поддерживали выступающую крышу, висела толстая плетеная веревка, украшенная бумажными лентами. За ящичком возвышались двери, закрытые от внешнего мира.

Перед ступенями по обе стороны стояли две статуи кома-ину – близнецы-стражи храма. Каменные псы, похожие на львов, зеркально отражали друг друга за исключением одной детали: пасть правого была закрыта, а левого – открыта. Эми нравились кома-ину; она считала их верными защитниками от зла.

Улыбнувшись девочкам, Эми провела их между статуями к ящичку для пожертвований, над которым покачивалась еще одна веревка, но уже тонкая – она крепилась к языку округлого колокола, подвешенного к балке крыши.

– Омовение рук и рта символизирует очищение духа, – пояснила Эми. – Теперь, когда вы чисты и разумом, и телом, вам дозволено обратиться к ками. Если можете, оставьте подношение, а потом позвоните в колокол, дабы привлечь внимание ками.

Одна из девочек порылась в кармане и, достав монетку, опустила ее в прорезь ящичка, а потом нерешительно потянула за веревку. Колокол звякнул – ужасно немелодично. Эми понадеялась, что во время ремонта Фуджимото сменит его на какой-нибудь получше.

– Встаньте лицом к храму и дважды поклонитесь.

Эми проделала то, что сказала. Девочки повторили за ней.

– Далее дважды хлопните в ладоши. Это помогает удостовериться, что ками точно обратили внимание – ведь они слушают и множество других молитв.

Так как сама Эми не подходила к фонтанчику, хлопнуть в ладоши она не стала.

– А теперь закройте глаза и мысленно поведайте ками свою просьбу. Закончив, поклонитесь еще раз, дабы поблагодарить ками за внимание.

Девочки опустили головы и зажмурились, напряженно сморщив лбы. Что бы ни привело этих девочек молиться в храм, – где они раньше явно бывали разве что на празднествах, – это явно было для них очень важным.

Поклонились они почти одновременно.

– Спасибо, – сказала та, что была повыше ростом. – А ты... ты правда думаешь, что Kami услышит?

– Kami всегда слышит, – со всей серьезностью ответила Эми. – Хоть она и не всегда отвечает.

– Она?..

Эми указала на раскрашенную деревянную табличку над дверями зала. Широкие мазки изображали женщину со струящимися каштановыми волосами; ее роскошное многослойное кимоно развевалось на ветру.

– Это храм Аматаэрасу, одной из четырех амацуками – великих небесных Kami. Она самая добрая и заботливая. Если ваши желания исходят от чистого сердца – уверена, она уделит им внимание.

– Добрая?.. – пробормотала вторая девочка. – Наверное, лучше было помолиться в храме воинственного Kami.

Эми улыбнулась.

– Kami подобны луне: у них есть как светлая сторона, как и темная. Аматаэрасу проще расположить, чем навлечь ее гнев, однако она отнюдь не слаба.

– А может, гнев все-таки не помешал бы, – свирепо произнесла девочка ростом пониже. – А Сусаноо? Дедушка рассказывал, что молился ему, ведь он Kami грома и штормов. Звучит круче.

– Сусаноо – куницуками, – пояснила Эми. – Он скорее земной ёкай, нежели небесный Kami. Можешь помолиться и ему, но...

– Но что? – вскинула брови та, что повыше.

– Но...

Эми не хотела лгать. Ёкаи тоже, по сути, являлись Kami – как и все обитатели мира духов, и неважно, принадлежали они небесам или же земному царству. И

те, и другие считались в равной степени способными как пестовать, так и разрушать, как проклинать, так и благословлять. Однако мнения о ёкаях зачастую были предвзятыми – и опыт самой Эми это лишь подтверждал.

– Ёкаи таковы, что если ты и получишь от них ответ, то... он может не так уж тебе понравиться, – запнувшись, договорила она.

– Хм... – Та, что повыше, окинула Эми взглядом. – Ты ведь мико, да? Не помню тебя на летнем фестивале.

– Мы не могли тебя не заметить, с такими-то волосами, – со смехом добавила вторая девочка. – Длиннющими!

Эми застенчиво коснулась виска. Ее черные волосы ниспадали до самых бедер, аккуратно стянутые у затылка белой лентой.

– Я только сегодня приехала. Пробуду здесь пару месяцев.

– Добро пожаловать в Кириобару! – прощепетала высокая девочка, имея в виду город, который располагался на милю южнее. – Я подрабатываю в кафе-мороженом, рядом с бакалейным магазином. Заходи в гости, дам тебе бесплатный рожок.

– О, – Эми моргнула и помедлила. – Благодарю. Очень мило с твоей стороны.

– Нам уже пора. Мой папа ждет в машине. – Высокая девочка подмигнула. – Может, завтра на мои молитвы ответят, и Ясу наконец-то предложит мне встречаться.

И девочки, поспешив прочь, пролетели через тории без малейшего поклона. Эми уставилась им вслед. Значит, они так серьезно молились... о парне? А она-то думала, что о заболевшем близком человеке или, на худой конец, об успешной сдаче важного экзамена.

Покачав головой, Эми глянула на храм. Некогда она и сама жаждала внимания юноши – однако ни за что бы не стала о подобном молиться. Какая пустая трата времени ками.

Эми развернулась и... увидела, что за ней наблюдает стоящий рядом Катсуо. Как будто его призвали ее мысли.

Она взвизгнула и отшатнулась, едва не запнувшись о край своих хакама.

– Катсуо! Не подкрадывайся так!

– Я и не подкрадывался. Просто подошел.

Эми хмуро на него уставилась. Облачен он был в типичную для сохэя храма Аматаэрасу одежду – темно-фиолетовые хакама и косодэ с длинным рукавом. Длинное, безрукавное хаори, надетое поверх и еще более темное, при движении задевало краями снег; полы придерживал украшенный бусинами пояс. На бедре виднелась рукоять катаны.

– Меня прислал каннуши Фуджимото, – продолжил Катсуо исключительно вежливым тоном, однако взгляд его при этом безостановочно выискивал что-то в лице Эми. – Ужин готов.

– А... Хорошо.

– Э-э... – Катсуо, замявшись, откинул волосы со лба. – Эми, я просто хотел... то есть, э-э, моя госпожа...

– Можно и просто «Эми», – еле слышно произнесла она. Катсуо вновь всколыхнул в ней бурю чувств.

– Эми... – Его улыбка тут же померкла. – Я... я понимаю, как ты поразилась, когда увидела меня вновь. Я не знал, что тебя не предупредили о моем назначении в... Кхм. Просто хотел...

– Мне... мне надо помолиться перед ужином, – выпалила Эми. – Прошу меня простить.

И она пронеслась мимо изменившегося в лице Катсуо. Из полого стебля бамбука в фонтанчик непрерывно текла струйка ледяной воды, и Эми набрала ее в специальный длинный черпак. Оросив сперва левую руку, затем правую, она

налила немного в ладонь и сделала глоток. Потом Эми вернула черпак на место и вновь поднялась по ступенькам. Катсуо, так и не пошевелившись, наблюдал за ней с непроницаемым выражением лица.

Позвонить в колокол. Дважды поклониться. Дважды хлопнуть в ладони. Эми сложила руки и, закрыв глаза, склонила голову.

«Аматэрасу, прошу, помоги мне пережить эти два месяца. Мы уже почти у цели. Благодарю тебя за защиту. И, как всегда, за то, что ты избрала меня».

Эми чуть было не попросила kami помочь ей еще и с Фуджимото и Нанако – и, может, с Катсуо тоже, – но решила, что разобраться с обитателями храма должна самостоятельно. Пусть лучше Аматэрасу хранит ее всеми силами, которые сможет ей уделить.

«Просто первая, кто прожил достаточно долго...»

Поморщившись, Эми отогнала едкие слова Нанако прочь. Спустя почти десять лет осталось преодолеть всего-то семь недель, и после ей не будет грозить уже никакая опасность – ни обыденная, ни сверхъестественная.

Эми вдруг ощутила чужое присутствие. Ласковое тепло окутало ее сердце, растеклось по груди, по коже. Шепот Аматэрасу легонько коснулся ее разума, пульсируя бессловесным посланием. И все же она чувствовала его значение:

Спешность. Предупреждение. Осторожность.

Она оцепенела. Ощущение задержалось на несколько мгновений, а затем угасло, и Эми осталась одна. Секунды летели, но оно так и не вернулось. Эми выдохнула, поклонилась и, выпрямившись, опустила руки. За последние десять лет она ощущала присутствие kami один-два раза в год, однако столь сильным оно оказалось впервые. И раньше Аматэрасу никогда не пыталась ее предупредить. Да и о чем?.. Быть осторожной вообще или ждать беды от чего-то – или кого-то – конкретно?

Эми спустилась по ступенькам; Катсуо по-прежнему стоял на месте. С неба, приглушая все звуки, сыпался снег. Из-за тишины Эми чудилось, что некто

невидимый вслушивается, надеясь, что она или Катсуо заговорит. Может, ей просто до сих пор не по себе от предупреждения Аматаэрасу.

Катсуо следил за Эми, теребя рукоять меча.

- Тебя уже провели по землям храма?

Вопрос прозвучал натянуто – Катсуо явно хотел узнать нечто иное.

Она опустила глаза.

- Еще нет.

- Сейчас поздно... да и мико Нанако с меня шкуру спустит, если мы задержимся еще дольше... но я могу показать тебе окрестности завтра.

Эми сжала губы, боясь поднять взгляд. Она не хотела проводить с Катсуо время, однако о таком никак не скажешь вежливо. Должно быть, воспоминания не терзали его так, как они мучили ее. Он не слышал последний крик Ханы. Не смотрел ей в глаза, не видел в них пробирающий до самой души ужас за мгновение до того, как девушка исчезла в бурлящем потоке воды.

Не чувствовал, как отчаянно цепляющаяся ладонь выскользывает из онемевших пальцев.

- Не стоит заставлять мико Нанако ждать, – произнесла Эми, вновь надевая свою маску спокойствия.

Катсуо задержал на ней взгляд – она ощутила его тяжестью на своих плечах, – но затем направился обратно. У моста он хотел было пойти рядом с Эми, однако она решительно шагнула вперед, уставившись на сад и светящиеся окна дома. Чуть-чуть пошатнулась, – споткнувшись о доску на середине пути, – и даже не запаниковала. Уже определенно лучше. Эми поверила, что справится.

Когда она почти преодолела мост, тишину взорвал плеск воды.

Сердце бешено заколотилось от ужаса; Эми подскочила, словно перепуганный заяц, и приземлилась на покрытую снегом мощеную дорожку, отчего ноги тут же разъехались. Земля резко стала ближе.

Сильные руки обхватили Эми за талию и рывком поставили вертикально. Катсуо держал ее, тепло его тела обжигало ей спину огнем – но все это продлилось лишь одно мгновение.

К тому времени, как Эми сообразила, что же стряслось, он отпустил ее и, попятившись, низко поклонился.

– Простите, моя госпожа, – проговорил Катсуо, не выпрямляясь.

– Что... что это было?!

– Из воды выпрыгнул кои. Заверяю, вы в полной безопасности.

Кои?.. Эми глянула на пруд. Сердце по-прежнему колотилось. Какого же размера должна быть рыба, чтобы так громко плескаться?.. Щеки запылали. Как унижительно – паниковать из-за обычного карпа! Эми снова посмотрела на Катсуо, который так и продолжал стоять, согнувшись в поклоне. Хотя он и был ее стражем, ему тоже, как и Фуджимото, запрещалось к ней прикасаться – за исключением крайней необходимости. Кои таковой не считался, а вот неминуемое падение на камни – вполне.

– Все в порядке, Катсуо, – быстро произнесла Эми и, стараясь выглядеть как можно достойнее, взмахом ладони позволила ему подняться. – Спасибо, что поймал меня. Впредь буду осторожнее.

Катсуо выпрямился и сверкнул очаровательно смущенной улыбкой, слегка покраснев.

Эми закусилась щеку изнутри и поспешила к дому, не зная, что еще сказать. Ей вдруг захотелось поскорее предстать перед ледяным взглядом Нанако и выслушать ее резкие речи. Насмешки мико дадут ей почву для размышлений, и времени на мысли о Катсуо станет куда меньше.

Насколько это сложно – избегать стража, чей долг хранить ее от малейшей напасти в течение всего дня?..

Плечи Эми поникли. Следующие два месяца будут очень долгими.

Глава 3

Эми стиснула зубы. Ну и как в таком шуме медитировать?!

Раздался оглушительный лязг стали, затем мужской смех. Опять звон, ворчание, лязг, лязг, удар. Эми чуть было не приоткрыла глаза, но тут же зажмурила их крепче, словно это могло оградить от звуков. Мышцы бедер свело от напряжения, и она поерзала на подушке, не выпрямляя ног.

Звяк, звяк, бух.

– О-о-о! – завопил Катсуо на порядок громче необходимого. – Это было подло, Минору!

– Ты просто проморгал.

Эми распахнула глаза. Поднявшись, расправила складки хакама – все-таки вчера она сложила их не так ровно, как думала. Затем достала из шкафа и надела тяжелое, плотное хаори для прогулок. Закинув хвост на плечо, Эми пригладила волосы ладонями и глубоко вздохнула. Только убедившись в своей способности не сорваться на крик, Эми сдвинула дверь и шагнула на деревянный настил.

Сад был залит ярким солнечным светом, мерцавшем на тонком слое снега. Радуюсь, что воздух не такой морозный, как вчера, Эми свернула к выходу, у которого оставила сандалии. Здесь звон слышался еще громче. Деревья с покрытыми инеем алыми и золотыми листьями отделяли сражающихся сохэев от дома и, видимо, создавали им впечатление, что шум ее не побеспокоит – в чем она намеревалась их полностью разуверить.

Эми зашагала по дорожке, уже планируя речь, как вдруг услышала тихое хихиканье. Она хмуро повернулась. В кустах, совсем недалеко, мелькнуло что-то красное.

Сердце рухнуло в пятки, затем все же включилась логика. Опасный ёкай не смог бы проникнуть в храм ками, тем более – амацуками. А даже если это и ёкай, то вряд ли он стал бы носить ярко-красную одежду и хихикать как школьница. Впрочем... мог бы, конечно, но вряд ли.

Эми сошла с дорожки. За кустами прятались две девчонки в форме мико. Они не сводили глаз с той самой поляны за деревьями, которую было прекрасно видно из их укрытия. Катсуо низко держал катану и усмехался, а старший сохэй, Минору, небрежно перебрасывал из руки в руку свой увенчанный лезвием посох. История сражения была написана на земле четкими следами в снегу.

Минору принял более удобную стойку и направил лезвие в сторону соперника, но вдруг заметил Эми.

– Доброе утро, госпожа! – коротко поклонился он, подняв посох.

Катсуо оглянулся и тут же встал ровно.

– Эми! – воскликнул он, покрасневшийся то ли от сражения, то ли вновь от смущения. – Что ты здесь делаешь?

Минору хмуро уставился на младшего сохэя. Эми моргнула, не зная, что ответить, и глянула вниз, на незнакомок, не сдвинувшихся с места. Повисло неловкое молчание.

Звонко рассмеявшись, старшая из девчонок вскочила на ноги. Оба сохэя вздрогнули от удивления. Девчонка радостно помахала им одной рукой, а другой обхватила Эми за плечи.

– О, Катсуо! Минору! Доброе утро! А мы тут показываем госпоже окрестности.

Девчонка стиснула Эми крепче и одарила сияющей улыбкой, в которой явно читалось: «Ты нас выдала, так что давай-ка лучше подыгрывай». Вторая девчонка

поднялась следом, вся пунцовая.

Первая, не выпуская Эми из плена, широко взмахнула ладонью.

– Дом уже посмотрели, теперь покажем конюшню. Нравятся лошади? У нас их четыре: три кобылки и мерин.

Продолжая болтать о лошадях, она потащила Эми обратно к дорожке. Вторая девочка поплелась за ними, не поднимая взгляда. Катсуо и Минору молча смотрели им вслед. Прилипшая к Эми девчонка громко разглагольствовала до тех пор, пока сохэи не остались прилично позади. Спустя минуту вновь донесся звон оружия.

Девчонка наконец убрала руку с плеч Эми и закатила глаза с такой силой, что ее голова дернулась назад.

– И вот надо ж было тебе так подойти! Они ведь понятия не имели, что мы подглядывали, пока ты не решила постоять на виду.

– Я не понимала, что вы делаете, пока Минору меня не заметил, – то ли попыталась оправдаться, то ли признала свою вину Эми.

– Теперь придется искать новый способ за ними следить, – девчонка хмыкнула и, не замедляя шага, устремилась вперед по тропинке от дома на север. – Я, кстати, Рина. А это – Юи.

Она указала через плечо на свою напарницу – та безмолвно пялилась на Эми. Толстые очки увеличивали глаза Юи, делая ее взгляд еще более странным. Волосы у нее были до плеч – длины едва хватало, чтобы собирать их в положенный мико хвост, – а крошечная фигурка терялась в широких рукавах белого кимоно и просторных красных хакама.

– Когда ты приехала, мы были в школе, а потом Нанако запретила нам приходиться на твой первый ужин здесь. – Снова закатив глаза, Рина заправила длинную челку за ухо. – Кто знает, почему. Ее бесит, даже когда ветер дует не в ту сторону.

Судя по всему, Нанако вела себя грубо не только с Эми.

– Рада знакомству, – произнесла Эми, пользуясь первой паузой в болтовне девочки. – Я...

– Кимура Эми, – радостно перебила ее Рина. – Камигакари Аматаэрасу, амацуками ветра, вестницы радости и весны, повелительницы вихрей и бурь. Мы знаем. Знали еще до того, как каннуши Фуджимото объявил, что ты останешься здесь до церемонии. Твое имя известно всем мико во всех храмах Аматаэрасу.

Сзади донесся тихий голосок. Рина остановилась и фыркнула.

– Говори громче, Юи! Хватит шептать, тебя вообще не слышно.

Юи сцепила руки.

– А у тебя правда есть метка ками? – спросила она чуточку отчетливее.

Эми кивнула и прижала ладонь к груди.

– Да. Она появилась, когда мне было восемь лет, на утро после зимнего солнцестояния.

– А можно посмотреть? – засветилась от любопытства Рина.

– П-посмотреть? – изумилась Эми. О таком ее еще никто не просил. Разве Рина не заметила, что она и так жестом обозначила место – ровно над ложбинкой груди? – Она... э-э... не там, где можно... то есть было бы неуместно...

– Забей, – отмахнулась Рина и пошла дальше. – И каково это – быть камигакари? Могу поспорить, что легкотня, а? Тебя-то никто не заставляет работать, для этого ты слишком важная.

Эми неохотно зашагала за ней. Над тропинкой нависли раскидистые кроны деревьев, за которыми уже не ухаживали так, как в саду. Дом скрылся из виду, а ни один из сохэев так и не отправился следом. Вот тебе и стражи...

– Долго ли еще идти? – спросила Эми. – Конюшня ведь на землях храма?

– Конечно, – беспечно отозвалась Рина. – Прямо за поворотом. Знаю, тебе нельзя уходить с земель храма без сохэев.

Она резко свернула влево. Лес кончился, и за ним обнаружилась огороженная лужайка с простенькой конюшней. Присыпанную снегом траву щипали четыре лошади – две бурых, гнедая с темными чулками и черным храпом и, наконец, вороная с одним белым носком. Гнедая подняла голову и заржала; остальные невозмутимо продолжали жевать.

Рина подошла к деревянной ограде, а затем, прислонившись к ней спиной, устроила локти на верхней перекладине и усмехнулась.

– Так что, мисс камигакари, каково это – быть тобой?

Эми чуть не скорчила гримасу. Она-то надеялась, что Рина уже позабыла об этом вопросе.

– Почти как быть мико, но куда больше... ограничений.

– Вряд ли ограничения так уж плохи. – Рина пнула траву. – Тебя же вечно балуют, да? Красивые сохэи на побегушках, плюс всю работу выполняют другие мико, раз тебе нельзя напрягаться и рисковать здоровьем. Да брось. Как по мне – звучит очень даже круто.

Стараясь не хмуриться, Эми глянула на лошадей. Гнедая вернулась к трапезе, не обращая внимания на снег. Впрочем, становилось теплее, и к обеду он должен был растаять.

– Да, наверное, есть и свои преимущества, – пробормотала Эми.

– Камигакари надлежит хранить чистоту, – шепнула Юи, сцепив руки, – дабы получить силу и дух ками. Дважды в день омываться, медитировать до и после сна, есть лишь здоровую пищу, пить лишь очищенную воду. Камигакари должна сохранять непорочным как дух, так и тело, и прогонять злые, нечистые мысли и желания.

– Что, опять учебники зубрила? – буркнула Рина, глянув на Юи, а потом ухмыльнулась. – Нечистые желания, м-м? Значит, не стоит нам звать тебя подглядывать за сохэями. Они здесь всего неделю, а тренируются по два раза в день.

Эми вздрогнула; давние воспоминания всколыхнулись, стремясь прорваться наружу. Нет, она не станет снова по кустам и подглядывать за тренировками сохэев. Однажды она уже допустила эту ошибку. Больше – никогда.

– погоди, – задумчиво произнесла Рина. – То есть поэтому посланник из Шиона так носился с тем, что к тебе могут прикасаться только мико? – изумилась она с придыханием. – Мужчинам нельзя? Совсем-совсем?

Эми снова вздрогнула.

– Тебе запрещено прикасаться к парням? Seriously? погоди... значит, тебя никогда не целовали?

Не зная, как свернуть с этой темы, Эми покачала головой. Разумеется, ее никогда не целовали. Невинное, необходимое касание – например, когда Катсуо ее поймал – считалось приемлемым. Понятно, что мужчина не осквернит камигакари кратким, безобидным соприкосновением, однако такое правило было необходимо, дабы уберечь ее чистоту.

Рина звонко хохотнула.

– поверить не могу! Тебе сколько, восемнадцать? И ты ни разу не целовалась!

Сквозь смущение чуть не прорвалась вскипевшая злость. Необходимые ограничения и жертвы, которые требовались от камигакари, – вовсе не шутки. Эми коротко поклонилась.

– Спасибо, что показали конюшню. Мне нужно вернуться в дом. Я еще не закончила утреннюю медитацию.

– Прости, прости! – тут же пискнула Рина совершенно неизвиняющимся тоном. – Меня иногда заносит. Пойдем обратно. – Она пробежала вперед и остановилась,

дожидаясь остальных. – Посланник кучу раз повторил, что ты должна оставаться при храме и не выходить за его пределы без обоих сохэев. Ты и правда в опасности не на священной земле?

– Это предосторожность, – пояснила Эми, понимая, что поток вопросов не остановится, пока она не избавится от общества Рины. – Сохэи сопровождали меня в школу и обратно, пока я не окончила ее этим летом, и проблем никогда не возникало.

– Но однажды на тебя напал ёкай, так? – поинтересовалась Рина. – Несколько лет назад, в парке рядом с храмом. И тогда мико умерла, да? А как выглядел тот ёкай? – добавила она из-за страшного любопытства чуть ли не шепотом.

Эми застыла посреди тропы, расправив плечи и сцепив дрожащие руки.

– Мико Рина! – произнесла она как можно более властно. – В тот день погибла невинная девочка. Пожалуйста, прояви к ней уважение. Ей было всего пятнадцать, она умерла трагично и бессмысленно. Прошу тебя, помолись, чтобы ее душа обрела покой, а семья – утешение, и не думай о гнусных подробностях ее смерти.

Юи послушно сложила ладони в молитве, но Рина не шелохнулась. Она без тени былой улыбки уставилась на Эми, сощуриив глаза. Та выдерживала ее взгляд, пока Рина его наконец не отвела.

Не говоря больше ни слова, Эми ушла прочь, к дому. Она держала себя в руках железной хваткой, не позволяя ни единой трещине проявиться на маске спокойствия. А в голове слышала последний крик Ханы, раз за разом, пока не исчезли остальные звуки.

Пусть Хану убил ёкай, но истинными причинами того, что Эми лишилась лучшей подруги, были ее собственные слабость, глупость и эгоизм.

Уединившись в своей комнате, Эми попыталась успокоиться и продолжить медитацию. По крайней мере, теперь было тихо. Минору и Катсуо куда-то ушли; в пределах храма они могли разве что обходить земли или проверять талисманы-офуда и прочие защитные чары. Если не случится катастрофы, ни один ёкай – по крайней мере ни один со злыми намерениями – не сумеет проникнуть на земли храма.

Эми хотела было сосредоточиться, но глаза распахнулись сами собой. Она снова их зажмурила и стиснула зубы. В ушах по-прежнему звенели слова Рины. Тактичностью эта девчонка явно не блистала. Расспрашивала так, словно Эми – увлекательный повод для сплетен, а не живой человек.

Глаза вновь открылись, и Эми поймала себя на том, что смотрит в пол. Может, Рина не так уж далека от истины. Камигакари – в первую очередь именно камигакари, и уж потом – человек. Чувства Эми не имели значения. Ни когда ее, восьмилетнюю, забрали из дома и стали обучать в Шионе. Ни когда отправили в частную школу для девочек и запретили заводить друзей вне храма. Ни когда после нападения ёкая ее перевозили из храма в храм.

Эми пришлось признать горькую правду: никто даже не задумывался, что она чувствует. Ее обеспечивали необходимым, но на нее саму всем было плевать. Если бы обстоятельства вынудили их отрубить ей руки, чтобы она уж точно исполнила долг камигакари, они поступили бы так без раздумий. Все решения о будущем Эми принимал гуджи Ишида – верховный каннуши Шиона и глава всех храмов Аматаэрасу, – и он ни разу не поинтересовался ее собственным мнением.

Оставив медитацию, Эми вытащила из чемодана шкатулку и достала дневник. Между страниц виднелся хвостик закладки – там, где вчера вечером она сделала запись о событиях минувшего дня и впечатлениях о новом храме. Эми старалась не упоминать то, из-за чего могла влипнуть в неприятности, но в иных отношениях чувства не сдерживала. Нанакто бы не обрадовалась, попади этот дневник ей в руки.

Глубоко вздохнув, Эми пролистала его и остановилась на странице с фотографией. Со снимка ей улыбалась она сама, три года назад, в прекрасном кимоно всех оттенков пурпурного и с развевающимися на ветру волосами. А за ее руку цеплялась девочка в самой обычной форме мико, смеявшаяся так, что едва могла устоять ровно.

Хана была такой юной. Сияющие глаза и румяные щеки оживляли ее простоватую внешность, делали привлекательнее. Впрочем, вряд ли кто-то заметил бы рядом с Эми такую девочку – высокую, тощую, с широковатым лицом и узко посаженными глазами. Однако она знала замечательную душу Ханы, ее доброту и щедрость. Может, Эми считалась традиционной красавицей – овальное лицо, большие глаза, маленький рот с пухлыми губками, – но сама она думала, что Хана куда привлекательней.

Эми коснулась края снимка. Три дня спустя Хана погибла.

Дрожащими пальцами она перевернула несколько страниц. На них снова и снова мелькало написанное ее аккуратным почерком имя Катсуо. И всякий раз, как Эми его замечала, комок внутри нее сжимался все сильнее.

Сегодня видела Катсуо на тренировке с другими сохэями. Он мне улыбнулся.

Впервые заговорила с Катсуо. Он пожелал мне доброго утра. Надеюсь, он не заметил, как я покраснела. Он такой красивый. Хочу коснуться его волос – наверное, это странно?..

Мне кажется, Катсуо – лучший мечник среди сверстников. Когда я сказала об этом Хане, она рассмеялась и спросила, как я могу так говорить, если едва могу отличить рукоять от лезвия.

Знаю, что не должна думать о мальчиках, но не могу выбросить Катсуо из головы. Мы едва знакомы, и все же... постоянно задаюсь вопросом. Что, если бы я не была камигакари? Что, если бы я могла по-настоящему с ним поговорить? Коснуться его? Поцеловать?

Я не должна о таком думать, но не могу удержаться. Хана говорит, это просто влюбленность, и она пройдет, если избегать с ним встречи.

Сегодня Катсуо со мной заговорил. Он назвал меня «госпожа», а я попросила обращаться ко мне «Эми». Как же стыдно! Не стоило так делать, но я не хочу быть для него «госпожой». Хочу, чтобы он видел меня, видел Эми. А не просто камигакари, как все остальные.

В иных обстоятельствах глупые подростковые записи, сделанные в переходные пятнадцать лет, заставили бы Эми закатить глаза. Но вместо этого она сглотнула подкатившую к горлу тошноту и с дрожью перевернула еще одну страницу.

Хана не выдержала и отчитала меня за то, что из-за безрассудной влюбленности я рискую своим будущим. Мол, мне просто скучно, а сходить с ума по Катсуо куда интереснее, чем медитировать или учиться правилам чайной церемонии.

Хана права, я веду себя глупо. Я не смогу быть с Катсуо, мне опасно даже думать о нем. Но это невыносимо.

Сегодня я услышала его разговор с другим сохэем. Завтра они собираются устроить в парке сражение на мечах. Звучит так волнующе. Уговорила Хану пойти за ними, в последний раз полюбоваться на Катсуо, а потом я прекращу подстраивать встречи с ним. Придется улизнуть тайком, но парк недалеко, всего в паре миль. Думаю, Хана согласилась только для того, чтобы потом этим меня попрекать.

Эми неохотно взглянула на соседнюю страницу – пустую, за исключением лишь даты: двадцать пятое августа. В тот день рука Эми так дрожала, что буквы едва можно было разобрать. А ниже – ничего. Ни единого слова.

Она захлопнула дневник. Сунув его в шкатулку, Эми вернула ее обратно в чемодан и вытерла влажные от слез щеки. Если уж она даже не пытается медитировать, то стоит хотя бы помолиться. Эми посмотрела на маленький алтарь, который обустроила в углу комнаты сразу после того, как разложила вещи, но затем шагнула к двери. Свежий воздух и полноценный, успокаивающий ритуал помогут привести мысли в порядок.

На сей раз Эми пересекла мост без приключений – разве что немного сбилось дыхание. Во дворике храма были люди: пара средних лет молилась, на скамейке под сенью священного дерева сидела пожилая женщина, а над столом у стойки, на которой прихожане развешивали написанные на дощечках прошения, склонился молодой человек в деловом костюме.

Эми направилась напрямик к фонтанчику. Когда она закончила омовение и положила черпак на место, к ней кто-то подошел.

– Привет. Помнишь меня?

Повернувшись, Эми с удивлением увидела школьницу – ту, что вчера предлагала ей бесплатное мороженое. Сегодня девочка оделась в длинный зеленый свитер и черные леггинсы, а волосы собрала в небрежный пучок. Отсутствие на ней формы подсказало Эми день недели – суббота. Вот почему Рина и Юи оказались в храме с самого утра – в будни они наверняка приходят по вечерам на несколько часов.

Девочка смущенно улыбнулась. Эми ответила ей тем же и, кивнув на храм, спросила:

– Снова молиться?

– Э-э... ага. – Девочка быстро повернулась к фонтану.

Эми вздрогнула, когда школьница омыла руки в неправильной последовательности – это сулило неудачу, – но промолчала. Затем они вместе приблизились к главному святилищу, миновав пару, которая уже направлялась обратно к тории.

Остановившись чуть в стороне от девочки, Эми сосредоточилась на собственной молитве – ничего особенного, лишь прошение о силе и смелости. И, может, мудрости – это никогда не помешает.

Когда Эми поблагодарила kami поклоном, девочка, явно ее дожидаясь, сразу сделала то же самое. Они отошли от храма, а их место занял молодой человек в костюме. Рассчитывая, что девочка пойдет следом, Эми направилась к

священному дереву – древнему дубу, раскинувшему ветви почти над всем двориком – и присела на скамейку напротив пожилой дамы, которая то ли молилась, то ли дремала.

Девочка, нервно поправив волосы, опустилась рядом.

– Я – Мияко! – выпалила она. – Можно задать тебе пару вопросов?

– Конечно. Меня зовут Эми.

Она терпеливо ждала, пока Мияко вновь заговорит, и рассматривала пруд. Юным девушкам зачастую было проще подойти к мико их возраста или около того, нежели к устрашающему пожилому каннуши, так что подобное для Эми было не впервой.

Мияко поерзала, а затем наклонилась поближе и понизила голос:

– А ками правда... есть?

Период сомнений случался в жизни почти каждой мико, но не у Эми. Ее родители преданно и искренне верили в ками, а стоило ей достигнуть возраста, когда подобные вопросы начали бы приходить ей в голову, ее избрали камигакари. Кроме того, как она могла сомневаться, если сама порой ощущала присутствие Аматаэрасу во время молитв? В памяти резко всплыло то странное предупреждение, но Эми постаралась о нем не думать.

– Хоть многие никогда не увидят ни единого знамения, – ответила она, – ками столь же реальны, сколь тепло солнца или холод зимы.

– И они отвечают на молитвы?

– Иногда... в какой-то степени. Поразит ли молния врага, если помолиться о его смерти? Выиграешь ли приз в лотерею, просто попросив об этом? Нет и нет. Ками не потакают нашим прихотям. Но если помолиться о силе, мудрости, удаче, ками могут подтолкнуть в нужном направлении. А если их оскорбить – то в противоположном.

Мияко сморщила лоб.

– А откуда ты это знаешь? Они отвечали на твои молитвы?

– Да.

– Хм... – Уточнить, что это были за молитвы, Мияко не стала. – А ты говорила, что есть и другие ками...

Эми села поудобнее, откинувшись на спинку скамейки.

– Существует два вида духов: ками и ёкаи. Первые обитают в небесном мире, отличном от нашего. Самых сильных среди ками называют амацуками. Четверо из них правят небесами и остальными. Здешний храм посвящен Аматаэрасу, амацуками ветра. Другие – это Изанаги, амацуками неба и главнейший повелитель всех ками, его сестра Изанами, амацуками земли, и Цукиёми, амацуками воды, брат Аматаэрасу.

– Земля и небо, ветер и вода... – пробормотала Мияко. – А ёкаи? Они типа демоны, да? Все знают сказки про плута-тануки и каппу, топящего детей.

При упоминании каппы Эми вздрогнула.

– Ёкаи – духи, а не демоны. Ками земного царства. Мы живем с ними в одном мире, из-за чего у нас больше возможностей досадить ёкаю, нежели ками, поэтому о духах столько историй.

По мнению Эми – вполне оправданных.

Ёкаи жили отчасти в мире людей и отчасти в собственном царстве духов. Как и небесными духами ками, ими правили четыре самых могущественных ёкая – куницуками. Их повелителем был Сарутахико, властвующий над горами. Его жена Узумэ господствовала над лесом. Завершали четверку Сусаноо, куницуками штормов, и Инари, куницуками огня.

Ками могли направить свою силу в мир людей через священный предмет – шинтай – или наделить ею смертного, а вот ёкаям такие ухищрения были

незачем. Куницуками бродили где-то по той же земле, что и Эми, дышали тем же воздухом. Мысль об этом вызывала в ней тревогу.

Мияко задумчиво постучала пальцем по губам.

- Ёкаи тебе не по душе, да?

Раздраженная своей неспособностью скрыть чувства, Эми покачала головой.

- Ками и ёкаи – оммё, – пояснила она, имея в виду инь и ян – равновесие между противоположностями, такими как небо и земля, тьма и свет, добро и зло. В равновесии находились даже стихии. Существовало оно как между самими амацуками, так между ними и куницуками, поэтому мир оставался в гармонии. – Они одновременно и подобия, и противоположности друг друга, никто не лучше и не хуже. Но у меня... случились неприятности.

- Ох... – выражение лица Мияко смягчилось. – Что стряслось?

Искренняя тревога и сочувствие в ее глазах сломали стены, которые возвела вокруг себя Эми, так легко, как было не дано чрезмерному любопытству Рины. Эми не хотела делиться столь личными, страшными воспоминаниями с незнакомкой, но теперь, с прибытием в этот храм, они всколыхнулись и отравляли ее, словно яд в крови. Может, после разговора станет легче. Да и с кем ей таким делиться? Лучше уж незнакомка, чем тот, кого придется видеть каждый день еще два месяца.

- Несколько лет назад мы с лучшей подругой гуляли по парку, – пробормотала Эми. Гуляли... Прозвучало так просто, легко. Она не хотела рассказывать, как долго и мучительно они пытались улизнуть из храма. – Мы шли следом за парнями. Я... я влюбилась в одного из них. Мы старались не попадаться им на глаза и сильно отстали. А потом заблудились. Не помню, что именно меня испугало, но по коже пробежали мурашки, а волосы встали дыбом. – Эми уставилась на пруд невидящими глазами. – За нами что-то следило. Я схватила Хану за руку, и мы бросились обратно. Нашли тропу, бросились вперед изо всех сил. Тории храма были уже совсем близко, на другой стороне ручья. Оставалось только перейти мост – и всё.

Перед глазами Эми заплясали темно-зеленые лесные тени. Из-за недавних дождей ручей бурлил мутной водой.

– Я вбежала на мост. Хана следовала за мной, но поскользнулась в грязи перед ним и упала. Ее ноги попали в воду. Буквально одни ступни. Я ринулась к ней. Что-то схватило Хану за лодыжку и дернуло. Я свесилась с моста и поймала ее за руку. Хана кричала. Существо пыталось утащить ее под воду, а я – удержать, но оно было таким сильным...

Лицо Мияко искажил ужас, но Эми этого почти не видела. В ее ушах звенели крики Ханы.

– Из воды выпрыгнул второй ёкай и напал уже на меня, – прошептала Эми. Размером с ребенка, но коренастый, с голубовато-зеленой кожей, перепонками между пальцами, совершенно лысой головой и клыками, которые блеснули, как только он кровожадно ухмыльнулся. Эми не запомнила иных черт, кроме этой ухмылки. – Он вцепился мне в ноги, а потом стянул с моста. Не знаю как, но я так и не выпустила перила одной рукой, а другой крепко держала Хану.

Боли она не замечала тогда и не могла вспомнить сейчас, хотя не могла ее не испытывать. Кривые когти ёкая впивались ей в лодыжки, в пальцах оставались занозы от деревянных перил. За руку отчаянно цеплялась Хана, пока другой ёкай тащил ее на дно ручья. Хана захлебывалась грязной водой, едва удерживая голову на поверхности, и постоянно кричала, звала Эми.

Она помнила момент, когда осознала, что они обе умрут. Помнила, как смотрела на Хану и видела на ее лице отражение собственного ужаса.

А потом рука Ханы вдруг исчезла.

Эми с силой прикусила губу, но слезы все равно потекли по щекам. Даже сейчас она не знала. Не знала, что случилось. Ёкай дернул Хану прочь? Или она устала и невольно разжала руку? Или это Эми поняла, что вот-вот погибнет, и... отпустила руку Ханы? Неужели она позволила лучшей подруге умереть, лишь бы спастись самой?

Проверить уже невозможно, но Эми всегда будет бояться, что в глубине души знала ответ.

Считанными секундами позже на крики прибежали Катсуо с другими сохэями и бросились в воду. Ёкай отпустил Эми и скрылся в мутном потоке. Катсуо вытащил ее на берег и остался охранять, пока остальные обыскивали ручей. Спасти Хану они не успели.

– Эми?

Голос Катсуо вплелся в ее воспоминания, в его же суматошные крики, в топот окружающих. А затем она моргнула и увидела Катсуо неподалеку; он смотрел на нее и хмурился.

Охнув, Эми мигом отвернулась и спрятала лицо за рукавом. Мияко украдкой передала ей бумажный платочек.

– Кто это? – тихонько спросила она, пока Эми вытирала щеки.

– Сохэй... священник-воин. – Приведя себя в относительный порядок, Эми опустила руку и бросила на Катсуо косой взгляд. – В древние времена сохэй защищали храмы и шинтаи. Легенды гласят, что когда-то они изгоняли опасных ёкаев и ограждали невинных от зла или алчущих власти ками, но теперь эта должность скорее формальна.

Катсуо вскинул бровь, но промолчал. Уж его-то обязанности никак нельзя было назвать формальными. Меч на бедре он носил вовсе не для красоты и вдобавок прятал в рукаве пару-тройку козырей на случай встречи с ёкаем. Как правило, в нынешнее время ёкай досаждали только тем, кто сам к ним лез. Однако Эми была исключением.

Мияко встала и, одернув свитер, неуверенно глянула на Катсуо, словно сомневалась, стоит ли с ним заговаривать.

– Спасибо, Эми. Я хотела бы узнать больше о ками. Можно снова прийти на следующих выходных?

– Конечно, Мияко. Тебе всегда рады в храме Шираюри.

Качнув головой и еще раз смущенно глянув на Катсуо, Мияко поспешно скрылась из виду. Эми сжала губы. Как давно подошел Катсуо?.. Он и так знал почти всю историю, но услышал ли то, что Эми отправилась за ними в парк потому, что ей нравился один из парней? Мог ли догадаться, что объектом ее страсти стал он сам?..

- У тебя очень хорошо получается, - отметил Катсуо.

- Что именно?

Он махнул вслед Мияко.

- Говорить с детьми, поддерживать прихожан, рассказывать о ками.

Значит, он подслушал абсолютно все! Стоило следить за ним пристальнее. Эми поняла, что он постоянно крутится поблизости от нее.

- Не надо целый день стоять у меня над душой, - сухо произнесла она и, поднявшись со скамейки, прошла мимо. - Здесь мне ничего не грозит.

Катсуо шагнул следом, и Эми чуть было не затопала ногами - делать так она, конечно, ни за что не стала бы, но раздражение все-таки не смогла скрыть. Стоило ей ступить на мост, как сердце вновь заколотилось, и эта реакция вызвала у нее еще больше злости. Остановившись на середине моста, Эми глубоко вдохнула сквозь сжатые зубы. Когда ужас чуточку отступил, она положила ладони на гладкие деревянные перила - словно любовалась видом на пруд и сад, а вовсе не пыталась упрямо одолеть страхи.

Рядом к перилам прислонился Катсуо - то ли давая понять, что уж он-то нисколько не боится маленького безобидного мостика, то ли пытаясь поддержать Эми своим примером.

- Понимаю, что присматриваю за тобой слишком усердно, просто это место... не представляю, почему гуджи отправил тебя именно сюда, - произнес он. - Да, храм отдаленный, но как-то чересчур. На севере и западе лежат безлюдные горы, больше ничего. А ты знаешь, чем грозит дикая природа.

Эми перевела взгляд на Катсуо. Он смотрел на окутанную осенними красками вершину, которая вздымалась над верхушками деревьев. Эми действительно знала, чем грозят подобные места. Ёкаи. Раз уж для пребывания в земном мире ками были вынуждены использовать людей, то чаще всего они встречались в человеческих поселениях. А вот многие ёкаи предпочитали глухие дебри – и не жаловали непрошенных гостей.

– Я приехал сюда на неделю раньше тебя, – продолжил Катсуо, – так что успел осмотреться. Нашел след ёкаев меньше чем в десяти милях от храма. Здесь они ведут себя куда смелее. Обычно ёкаи избегают людей, особенно сохэев, но после вылазки мы с Минору увидели их следы поверх наших собственных. Они ходили за нами.

Катсуо взъерошил растрепанные волосы.

– В других местах ёкаи стали вести себя странно. В прошлый раз мне поручили разузнать про их нападения на востоке от Шиона – случаи с убитыми животными и парой пропавших детей. – Он качнул головой. – Я проверил все офуда, как только сюда прибыл. Каннуши Фуджимото поддерживает их в хорошем состоянии, так что здесь безопасно... и все-таки я беспокоюсь. Почему гуджи Ишида не отправил тебя в небольшой храм поближе к городу или где-нибудь еще, а выбрал именно этот, в кишацих ёкаями горах?

Эми стиснула перила, жалея, что остановилась на мосту, лишь бы показаться храброй. Уйти сейчас – означало признать поражение, но от мысли о горах, где полным-полно ёкаев, по коже забегали мурашки. Может, об этом Аватэрасу и пыталась предупредить?

Эми вдруг захотелось коснуться офуда, которые девушка всегда носила в потайных карманах рукавов, но она сдержалась. Бумажные талисманы могли защитить от ёкаев, однако пользоваться ими ей еще не приходилось. Пока она на священной земле, испытывать свои способности не было нужды.

– Гуджи Ишида выбрал этот храм, – произнесла Эми, стараясь говорить спокойно, – ведь он настолько крошечный и далекий, что никто не догадается меня тут искать. И вдобавок потому, что церемония в честь солнцестояния пройдет относительно недалеко.

Катсуо дернул плечами. Эми искоса на него глянула, пытаясь увидеть его глазами Мияко. Высокий, широкоплечий – почти такой же, как в семнадцать лет, когда Эми в него влюбилась, – однако теперь она не испытывала того трепета, что раньше. Да, Катсуо был красив, но его лицо вызывало слишком много плохих воспоминаний – с ними были связаны печаль, вина и унижение.

– Церемония... – произнес он глухо. – До солнцестояния осталось меньше двух месяцев. Так мало...

Тревога вновь ожила, однако Эми уверенно улыбнулась.

– Жду его с нетерпением. Последние три года я боялась каждой тени, но после солнцестояния ёкаи будут бояться меня.

Катсуо смотрел на нее; в его темных глазах застыло напряжение.

– Не стоит бояться, пока я рядом. Я уберегу тебя от любого вреда.

У Эми внутри все затрепетало, словно там пустились в безумный пляс огненные бабочки. О нет, только не это! Разве она не пришла к выводу, что влюбленности давно настал конец? Эми отвела взгляд, мысленно выругавшись в адрес Катсуо.

– Я несколько не сомневаюсь, что ты бесстрашно исполнишь свой долг, – произнесла она как можно более официальным тоном.

Посмотреть на реакцию Катсуо Эми не осмелилась. Его обещание прозвучало так, словно не было продиктовано его обязанностями.

Воцарилась тишина – лишь изредка плескал пруд. Из-за главного святилища громко каркнула ворона.

– Какой будет церемония? – наконец нарушил молчание Катсуо. – Каннуши о ней молчат.

– Понятия не имею. Мне тоже ничего не говорили.

– Что? – Он выпрямился. – Ты ничего не знаешь?

Эми, удивленная таким возмущением, мельком бросила на Катсуо взгляд.

– Наверняка узнаю накануне.

– Но как можно держать тебя в неведении? Ты камигакари... это же твоя церемония! Ты должна знать о ней абсолютно все!

Эми пожала плечами.

– Вряд ли от меня потребуется что-то, кроме присутствия.

– Ну, а что потом? Ты знаешь, что будет?

Эми снова пожала плечами. На лице Катсуо смешались потрясение и недовольство.

– И тебе даже не интересно? Это ведь твое будущее! Разве тебя не волнует, что случится дальше?

Эми шагнула к перилам и осторожно к ним прислонилась.

– Дело в том, что это не мое будущее. Я и мои желания тут ни при чем. Только Аматаэрасу и то, что ей необходимо. И неважно, знаю я подробности или нет. Изменить что-то я не могу – и не хочу. – Хмурый вид Катсуо заставил ее вздохнуть. – Будущее перестало мне принадлежать с тех пор, как меня избрали камигакари. Я живу по воле Аматаэрасу, которую воплощают гуджи Ишида и другие каннуши из Шиона – пока что. В день солнцестояния ее воля станет моей, а моя – ее. И наше общее будущее мне только предстоит познать. Я не могу строить на него планы. – Голос Эми смягчился. – Вот что значит быть камигакари. Можно даже сказать, что моя жизнь принадлежит ками – такое не

снилось даже самым истово верующим мико и каннуши.

Катсуо перестал хмуриться, и в его глазах отразилось иное чувство. Странное, почти грустное... Эми не сразу поняла, что это была... Жалость.

Она отпрянула. Жалость? К ней? Она ведь мечтала стать камигакари! Это ее предназначение! Да, она иногда в этом сомневалась или желала испытать что-нибудь иное, но никогда не хотела действительно изменить судьбу. Она посвятила ками всю жизнь. Из многих тысяч мико Аматаэрасу выбрала для своего воплощения именно ее, Эми.

Подобная гневная реакция не укрылась от Катсуо, и он примиряюще поднял ладонь.

– Я понимаю, что быть камигакари – огромная честь, и ты испытаешь нечто невообразимое. Просто я удивлен, что ты не... не сожалеешь о том, чего не познаешь.

– Зачем? – вспыхнула Эми. – Это что, прибавит мне радости? Вот уж вряд ли.

Катсуо пробормотал что-то в знак согласия и невольно обхватил эфес катаны ладонью. Наверное, так он чувствовал себя сильнее, увереннее.

– Ты ощущал ее присутствие? – спросила Эми, остывая.

– А?

– Ты когда-нибудь ощущал присутствие Аматаэрасу, когда молился в храме?

Катсуо сдвинул брови.

– Нет.

– А я – да. Чувствовала ее касание. Она такая... поразительная, чудесная... ласковая... – Ветерок выхватил из хвоста короткую прядь волос, и Эми заправила ее за ухо. – Я уже сделала важнейший выбор в своей жизни. И ты тоже. Ты стал сохэем, чтобы служить ками. Мы с тобой не так уж отличаемся.

Катсуо покачал головой.

– Ты веришь так глубоко, так искренне, Эми, что остальные кажутся тебе такими же самоотверженными и преданными. Я стал сохэем, потому что в двенадцать лет считал, что сражаться с ёкаями – ужасно круто. Мне действительно понравилось этому обучаться, и я завел много друзей, поэтому продолжил. И только три года назад, когда ты чуть не погибла, я вдруг понял, что это не просто увлечение. Я впервые увидел ёкая. Не знаю даже, верил ли я вообще в них раньше.

Эми изумленно на него уставилась. То есть он тренировался годами и не верил в ёкаев?..

– Потом я начал воспринимать все серьезно. Но у меня иной случай, ведь я могу оставить службу в любой момент. Сегодня, завтра, в следующем году, через десяток лет... Могу решить, что лучше мне быть экономистом или адвокатом, жениться на хорошенькой девушке и завести семью. А ты – нет. Ты всем пожертвовала, и я не знаю, понимаешь ли ты масштаб того, что теряешь. Тебе едва исполнилось восемнадцать. Откуда ты можешь знать, чего хочешь от жизни? И совсем скоро шанса понять это уже не будет.

Эми нахмурилась. Катсуо в курсе, что она отпраздновала день рождения в прошлом месяце? Зачем ему эта подробность?..

– Шанс я уже упустила, – произнесла Эми. – Я стала камигакари в восемь лет, и теперь ничего не поделаешь. Время не повернуть вспять. И даже будь я способна отправиться в прошлое, я не попыталась бы ничего изменить.

Катсуо скривился, а затем выдохнул, признавая поражение, и махнул на дом.

– Скоро обед.

Эми кивнула и сошла с моста, глядя Катсуо в спину. Неужели его и правда так волнует, что она отмела все обыденные человеческие мечты? Зачем ей они? Оставить роль камигакари, чтобы стать каким-нибудь экономистом или даже просто матерью, растить детей и каждый вечер готовить ужин? Зачем, зачем ей желать столь банального будущего, если ее ждет невероятная судьба?

В день зимнего солнцестояния Амата́расу спустится из небесного мира и объединит свою мощь со смертным телом Эми. Амата́расу избрала ее как самый крепкий, чистый и достойный сосуд. Без Эми она не сумеет ступить на землю, и ее силы останутся удручающе ограничены. С тех пор, как Амата́расу в последний раз ходила по этому миру, прошла уже сотня лет. Эми не собиралась подвести свою ками.

Помимо обреченных на неудачу заигрываний с Катсуо три года назад, она ни разу не отступила от требований и обязанностей, возложенных на камигакари. Она не могла допустить, чтобы во время церемонии нисхождения что-то пошло не так. Скверна способна помешать ей принять чистую силу Амата́расу. Эми исправно медитировала и омывала тело, ограничивала себя в еде, закаляла тело, избегала неподобающих мыслей и развращающих чувств. Амата́расу на нее рассчитывала, и Эми это знала; девушка чувствовала нужду ками, когда молилась.

Обычный ками мог избрать своим сосудом любого смертного. Лучше всего, конечно, согласного и чистого – оскверненный под давлением божественной силы долго не протянет. Однако амацуками были слишком для этого сильны; Амата́расу, возжелай она того, могла захватить Нанако в любой миг, но та наверняка погибла бы в считанные минуты.

Поэтому амацуками нуждались в камигакари – в избранных, подготовленных сосудах. Эми настраивалась принять дух Амата́расу на протяжении десяти лет – выполняла все ритуалы и требования, а метка на ее груди служила проводником. В самом начале она была едва заметной, почти невидимой, но со временем темнела – и связь между ками и Эми крепла, дабы ее тело приняло дух, который однажды его наполнит.

Сила ками – по крайней мере, крошечная ее частичка – уже укоренилась в Эми. Правда, девушка едва могла это ощутить, не говоря уже о том, что использовать силу не имела возможности. Но уже скоро она станет вместилищем этой силы – в день солнцестояния, когда Амата́расу, спустившись на землю, сольется с Эми воедино.

Она не знала, как все пройдет, слышала лишь, что где-то есть еще три камигакари, которые носят в себе силы Изанаги, Изанами и Цукиёми – но нельзя же просто так заявиться в другой храм и поболтать с ними. Когда пройдет

церемония, Эми все поймет сама.

Однако у слияния с ками были и недостатки. Самый главный – то, что несмотря на все приготовления, Эми могла погибнуть. Она, разумеется, в какой-то мере утратит власть над собой – однако это справедливая плата за шанс сбросить оковы смертности и, по сути, тоже превратиться в ками. Сольются ли они с Аматаэрасу в единый разум? Или просто будут делить одно тело? В любом случае видеть и испытывать то же, что Аматаэрасу, всегда быть вместе с ней, стать частью ками – все это стоило всех жертв и даже больше. В конце концов, Эми давным-давно выбрала этот путь.

Но Катсуо и та жалость, с которой он на нее смотрел...

Горло перехватило от злости. Как он посмел! Он ничего не понимал. Видел лишь то, что она потеряет, а не то, что обретет. Бессмертие, пока ее ками в ней нуждается, божественную силу на земле – как тут можно жалеть?

Катсуо просто не понимал. Раз он не верил в ёкаев, то и в другое наверняка тоже. Может, он не верил в ками, и поэтому никогда не ощущал касание Аматаэрасу.

А вот Эми верила. И теперь она вознамерилась навестить Катсуо после солнцестояния – продемонстрировать, что ками еще как существуют. Эта мысль вызвала у нее улыбку.

Глава 5

– Встань прямо, Юи!

Едкий тон Нанако заставил Эми вздрогнуть. Вытянутая рука, на ладони которой она удерживала церемониальную стрелу, болела. С обоих концов древка свисали красные и белые кисточки, трепещущие на легком ветру. За день снег успел растаять под теплыми лучами солнца, но теперь светило постепенно клонилось к западным вершинам, и становилось прохладнее.

– Будешь сутулиться – тебя засмеют, – безжалостно продолжала Нанако. – И не делай такое лицо. Что, плачешь? Учись не принимать все близко к сердцу, если хочешь выступить перед сотнями людей.

Эми сжала губы. Рина – которая стояла рядом с точно такой же стрелой и луком – беспокойно посмотрела на Юи и Нанако через плечо.

– Во время ритуала благословения ты представляешь наш храм, Юи. Хочешь нас перед всем городом опозорить? – зазвенел голос старшей мико над подмостками.

Поморщившись, Эми посмотрела на свою стрелу и вздохнула. А потом слегка наклонила ладонь. Соскользнувшая стрела с громким стуком упала на деревянный пол.

Эми наклонилась за ней и, поднявшись, обнаружила перед собой рассвирепевшую Нанако.

– О, приношу глубочайшие извинения... госпожа. – Женщина почти не пыталась скрыть издевку. – Неужто вы так быстро утомились? Как тяжелы, видимо, ритуалы мико для столь хрупких девушек. Возможно, вы предпочтете удалиться к себе и отдохнуть.

Эми могла выполнить ритуал благословения – к слову, куда грациознее, чем Нанако, – даже если ее разбудили бы посреди ночи, но не стала говорить это вслух. Она просто-напросто опустила взгляд. Уж ее-то не заставят расплакаться.

Так и не дождавшись ответа, Нанако промчалась к краю подмостков и подхватила свой лук.

– Заново! – гаркнула она. – И чтобы без ошибок!

Эми вернулась на пару шагов назад. Рина, тоже заняв свое место, мельком благодарно ей улыбнулась.

Нанако резко хлопнула в ладоши.

– Начали!

Эми подняла над головой стрелу, одновременно проворачивая ее ровно на сорок пять градусов. Вновь опустив и вытянув руку со стрелой, она выдвинула вперед правую ногу, проворачивая стрелу теперь в противоположную сторону, чтобы та смотрела строго на юго-восток. Для зрителей все эти размеренные действия выглядели невероятно изящными, однако исполнять их в медленном темпе было крайне сложно.

Ритуальный танец продолжился замысловатой вереницей осторожных движений стрелы и лука, ладоней, ступней и тела. Эми растворилась в хорошо знакомых элементах, позволяя им протекать сквозь нее, ощущая едва заметный трепет, исходящий от земли. Многие люди считали ритуальные танцы лишь развлечением и данью традиции, однако эти движения скрывали в себе особые силы – если их правильно исполнять.

Эми встала в последнюю позицию так, что они с Нанако, Риной и Юи образовали квадрат, стоя лицом друг к другу, и наложила стрелу на тетиву. Потом, одновременно с другими мико, оттянула ее к щеке, невзирая на пылающие мышцы. Подняв лук, Эми направила стрелу в потолок. У Риной и Юи заметно дрожали руки. Затем все опустили луки к изображенной в центре пола деревянной розе ветров с четырьмя лучами. И вместе выстрелили.

Эми так сосредоточилась на собственной цели – точке севера, – что не обращала внимание на остальных... пока у ее лица, едва не задев щеку, не пролетела стрела.

– Рина!!! – взвизгнула Нанако.

Та в ужасе выронила лук и рассыпалась в бессвязных извинениях. Юи смотрела на Эми широко распахнутыми глазами.

– Что случилось?! – воскликнул Катсуо, вспрыгнув на подмости безо всяких ступенек. Сохэй появился словно из ниоткуда на пару с Минору с оружием наголо.

Красная как рак Рина умолкла.

Эми, опомнившись, моргнула. Рядом с розой ветров откололась щепка. Рина промахнулась; стрела попала в доску под таким углом, что отскочила и унеслась в сторону, прокрутившись как бумеранг.

Продолжая держать лук, Эми сложила руки и одарила обоих сохэев сверкающей улыбкой.

– О, тут не о чем беспокоиться! Просто небольшая накладка во время танца.

Рина снова бросила на нее благодарный взгляд.

Катсуо с подозрением покрутил головой.

– И все?

Нанако кашлянула.

– На сегодня закончим. Девочки, упражняйтесь в стрельбе из лука хотя бы по два часа в день до конца недели, и чтобы никаких попыток увильнуть. А теперь уберите здесь все и помолитесь ками об удаче – она вам обеим понадобится!

Эми удивилась: Нанако не стала унижать Рину. Впрочем, может, она попросту не хотела, чтобы сохэи посчитали ее плохой наставницей.

К облечению Эми, Катсуо наконец расслабился и убрал катану в ножны. На подмостках явно было маловато места для пяти человек и двух с небольшим футов смертоносной стали. Бросив на девочек напоследок еще один свирепый взгляд, Нанако сунула свой лук Юи в руки и поспешила вниз по ступенькам.

– Ты свободна? – спросил у Эми Катсуо.

Она ощутила одновременно вспышку страха и укол злости, но не позволила этим чувствам отразиться на лице. После неприятного завершения вчерашней беседы они с Катсуо больше не разговаривали. Может, он хотел извиниться... или дальше упрямо убеждать, что все решения в ее жизни были ошибочны.

– Свободна до ужина. – Эми взглянула на Рину. – Ты не могла бы?..

Та быстро забрала у Эми лук и принялась собирать остальные церемониальные принадлежности вместе с Юи. Эми сошла по ступенькам вслед за Катсуо. Минору вежливо ей кивнул и, вопросительно посмотрев на младшего сохэя, безмолвно удалился – наверное, туда, где он был до того, как его привлекли крики.

– Хотел тебе кое-что показать, – пояснил Катсуо по пути.

Главное святилище и подмости обрамляли буквой «Г» мощный дворик. За подмостками скрывалась простенькая постройка, в которой находились кабинеты и архив, где Фуджимото и Нанако проводили большую часть дня – когда не поддерживали порядок в храме и не принимали прихожан. Катсуо увел Эми с дорожки на неухоженную траву.

– Куда мы идем? – просила Эми.

– Вот сюда.

Катсуо придержал ветки разросшегося куста, чтобы девушка протиснулась вдоль стены. За постройкой примостился небольшой домик в традиционном стиле, типичном для храма, с остроконечной крышей и загнутыми свесами, раскрашенными опавшей листвой в желтый и рыжий.

– Это старое хранилище, – воодушевленно продолжил Катсуо. – Каннуши Фуджимото явно уже давно за ним не следит. Теперь все необходимое держат около кабинетов.

Схватившись за край тяжелой двери, Катсуо сдвинул ее и продемонстрировал тускло освещенную комнату – солнечные лучи проникали туда только сквозь расположенные под потолком грязные окошки. Все стены были уставлены полками, а в центре возвышался стеллаж – так что свободного пространства оставалось всего ничего. Катсуо без колебаний вошел внутрь и жестом пригласил Эми. Она с опаской переступила порог, подхватив длинные рукава, чтобы не зацепить покрытые пылью полки. Запах истлевшей бумаги заставил Эми сморщить нос. Все до единого закутки были заполнены книгами в кожаных переплетах, мятыми коробками, деревянными ящиками всевозможных размеров.

– Это место – настоящая золотая жила! Интересно, каннуши Фуджимото вообще сюда заглядывал? – Катсуо указал на небрежно забытый на коробке длинный узкий футляр. Почти всю его поверхность покрывали испещренные надписями бумажные талисманы, наверняка призванные сдержать некую сверхъестественную силу. – Там написано «Фудо Масамунэ». Если там и правда катана мастера – она стоит в целом состоянии!

Эми вежливо согласилась, совершенно не понимая, почему Катсуо решил, что ей интересны знаменитые мечи – впрочем, как и все остальное здесь. Катсуо, оглянувшись, сверкнул улыбкой.

– Гадаешь, зачем я тебя сюда привел? Тут среди хлама валяется полным-полно книг. Вчера я пытался найти в них упоминания камигакари или церемонии. – Он остановился в дальнем конце комнаты и присел на корточки. – Смотри.

Эми подошла, стараясь не закашляться – воздух стал более затхлым. Решив ни за что на свете не опускаться на этот грязный пол, она наклонилась пониже и взглянула на полку. Книги стояли стопками по десять штук – совершенно беспорядочно.

– Все они связаны с храмами. – Катсуо взял три верхних. – Я успел просмотреть несколько, и вот в этих рассказывается о камигакари Аматэрасу и остальных ками. Могу поспорить, что в остальных тоже найдется что-то о них. Или даже какие-то подробности о церемонии.

Катсуо поднял голову. Даже в тусклом свете было видно, как сияют его глаза.

– Понимаю, ты намерена дождаться и услышать все от гуджи, но я подумал, что тебе захочется узнать больше о прошлых камигакари, об их деяниях. Вот тут, – он продемонстрировал книгу, – говорится, как камигакари Цукиёми отвернул от побережья ураган. Представляешь? А в этой, очень старой, – как камигакари Изанаги заставил императора остановить войну.

Воодушевление Катсуо постепенно сошло на нет – Эми никак не могла совладать с голосом и заверить его, что нисколько не оскорбилась. Как долго он искал информацию в этом пыльном хранилище? Как долго просидел здесь прошлой ночью, изучая историю вместо того, чтобы спать? В книге, которой только что размахивал Катсуо, было страниц пятьсот. Он наверняка провел тут много часов.

Эми опасалась, что Катсуо начнет убеждать ее не совершать якобы огромную ошибку, но все оказалось иначе. Он явно восхитился примерами могущества камигакари и захотел ими поделиться.

Молчание Эми заставило его совсем сникнуть.

– Прости. Я не должен был...

– Н-нет. Это прекрасно. – Эми слабо улыбнулась, с трудом сдерживая чувства. – Спасибо тебе. Это удивительно. Я мало знаю об истории камигакари, особенно связанных с другими ками.

Катсуо помедлил, стараясь угадать ее истинные мысли, но проверку она, видимо, прошла – судя по его вновь засиявшей улыбке. Он вручил Эми три книги – она чуть не вздрогнула, коснувшись пыльных переплетов, – и поднялся на ноги.

– Мне надо бежать... мы с Минору должны до ужина проверить северные тропы, но ты можешь поискать еще. Уверен, тут найдется много интересного.

Не дожидаясь ответа, Катсуо тут же скрылся за дверью и поспешил прочь. Оставшись в полумраке одна, Эми наконец опустила на корточки и уставилась на книги в своих руках. Доброта Катсуо причиняла ей боль. Попытался ли он заглядывать вину из-за Ханы?.. Нет, Эми увидела в нем прекрасную душу уже давно, когда только влюбилась. Катсуо был заботлив и внимателен по отношению ко всем окружающим.

Улыбнувшись своим мыслям, Эми отложила книги, которые ей дал Катсуо, и бегло осмотрела стопку других. Названия некоторых слишком покрылись плесенью или выцвели так, что их было не разобрать, но Эми все-таки выбрала еще шесть – четыре исторических монографии, какое-то руководство для каннуши, а также дневник жившей сто лет назад мико. Взяв все девять книг, Эми вышла из хранилища и присела на верхнюю ступеньку – лестница была куда чище, чем пол внутри, ведь летом ее регулярно омывали дожди.

На страницах, где рассказывалось о подвиге камигакари Цукиёми, плясали пятнышки света. Эми почти сразу нашла недавно загнутый уголок и увидела

невероятно сухое и занудное описание совершенно потрясающей магии. Дочитав, Эми несколько раз глубоко вздохнула. Если автор ничего не преувеличил, то она, камигакари Аматаэрасу, получит куда больше силы, чем думала.

Тревогу тут же смыло волной предвкушения, и Эми залпом прочитала несколько страниц следующей книги. Когда отметки Катуо кончились, она пролистала остальные исторические очерки. По мере того как Эми просматривала выцветший текст и убеждалась, что в нем описываются лишь скучные политические интриги древности, восторг уступил место разочарованию. Может, она все-таки недооценила, сколько времени провел Катуо в поисках отрывков, на которые он ей указал.

Оставив историю, Эми взялась за дневник. Снова неудача. Мико описывала свои дни до мельчайших подробностей, но жизнь ее оказалась крайне небогата на события. Эми сама вела дневник и не считала себя вправе критиковать чьи-либо мемуары, но все-таки размышления этой женщины сложно было назвать интересными. Отложив тетрадь, Эми открыла руководство для каннуши... И у нее оборвалось сердце: страница за страницей занудных наставлений, затрагивающих всё, что касалось храма.

Эми раздраженно вздохнула – у нее чесался нос, но ей не хотелось трогать лицо, не помыв сначала руки. Видимо, если она желала узнать больше, необходимо проявлять и куда больше терпения. Раздумывая, как тайком пронести несколько книг в свою комнату, Эми рассеянно пролистала страницы. Она почти не обращала внимания на потускневшие чернила... как вдруг на бумаге мелькнул черный мазок. Эми вернулась назад и отыскала изображение:

Аккуратные линии складывались в метку Аматаэрасу – ту, что Эми носила на груди.

Сердце забилось чаще, и Эми поднесла книгу ближе к глазам. Автор описывал, как метка с годами темнеет и как определить, что она полностью оформилась – а значит, церемонию необходимо провести во время следующего солнцестояния.

Медлить нельзя, ибо растущая ки камигакари начнет служить маяком для духов. Ёкаи потянутся к ней, словно мотыльки к огню. Верные хозяевам, они будут стремиться всеми силами ее уничтожить прежде, чем великая ками спустится с небес. Куницуками желают удержать власть над земным миром и не позволят великой ками бросить им вызов. С приближением церемонии они лишь будут становиться более дерзкими.

Эми сглотнула ком. Она знала, что в ней постепенно копится сила Аматаэрасу, но даже не подозревала, что это притягивает ёкаев. Онемевшими пальцами она вытащила из-за ворота кимоно омамори – маленький плоский мешочек, который носила на шее. Внутри него скрывался сильный защитный офуда. Ишида сделал его сам – последние три года он давал Эми новый талисман каждые шесть месяцев и предупреждал никогда, ни при каких условиях его не снимать. Пока офуда при Эми, ёкай увидит в ней самую обычную мико и ничего более.

Ки, понятие, которое упомянул автор руководства, представляло собой духовную энергию или жизненную силу. Ею владели ками и ёкаи, а также люди – правда, в куда меньшей степени. Обычный человек не умел ничего сделать со своей ки, однако каннуши, мико и сохэев обучали применять ее в ритуалах, при создании офуда и омамори, для защиты земель храма. Каннуши и сохэи при тесной связи с ками получали от тех особую силу, недоступную простому смертному. А чтобы ее поддерживать и укреплять, необходимы чистота сердца и разума, как и непоколебимая воля.

Из всех аспектов обучения мико единственной слабостью Эми была именно ки. Она знала теорию и теоретически могла создавать офуда самостоятельно. Ничего сложного: написать на прямоугольном листочке белой бумаги ритуальные слова, вдыхая в них ки своей волей. Проблема заключалась в том, что Эми не знала, получилось у нее или нет – не приманивать же ёкаев, в самом деле, ведь защитный офуда срабатывал, лишь когда кто-то намеревался причинить его владельцу вред.

Если сила Аматаэрасу уже начала наполнять ее тело, Эми могла создавать более мощные офуда, чем даже создавал Ишида, – но она не представляла, как их проверить. Если она действительно набирала силу, то как ее ощутить?.. Эми снова уткнулась в книгу, просматривая текст. Наверняка есть способ...

Ее взгляд вдруг остановился на абзаце внизу страницы.

Говорить с камигакари о церемонии нельзя. Невзирая ни на какие вопросы, нельзя ни в коем случае раскрывать правду о слиянии с божественным духом. Все камигакари до единой принимали это известие неблагосклонно, некоторые даже стремились сорвать церемонию. Оскверненная камигакари не годится для духа Великой ками, поэтому церемония приведет к ее скорой кончине.

Стоит скрыть правду и от других обитателей храма. Осознание, что во время нисхождения Великой ками сущность камигакари будет уничтожена, редко приходится по нраву даже самым верным последователям.

Знайте, что жертва камигакари так же необходима, как и сокрытие ее необходимости. Нет нужды скорбеть о камигакари, разум и душу которой поглотит великолепие духа Великой ками; все мы желали бы обрести подобный конец.

Эми уставилась на страницу. Слова отдавались в голове набатом.

...сущность камигакари будет уничтожена...

...жертва камигакари...

...разум и душу поглотит...

Слова кружились, вгрызались глубже, повторялись раз за разом, пока у Эми не перехватило дыхание. Будет уничтожена. Жертва. Поглотит.

Нет, это не могло быть правдой! Не могло! Кто-то бы ей рассказал. Предупредил. Ее выбор ведь поддержали даже собственные родители! Хоть кто-то бы поведал, что ее судьба – не быть единой с ками, а лишиться разума и души.

Все это ложь. Но если в руководстве все-таки говорилась правда... Эми всю жизнь посвятила тому, чтобы стать идеальным сосудом для своей ками. И через два месяца Аматаэрасу воздаст ей за все жертвы тем, что уничтожит ее.

Книга выпала из онемевших пальцев. Вся жизнь Эми строилась на ужасной лжи, и камигакари никак не могла изменить свою судьбу.

Глава 6

Эми лежала на футоне и смотрела в потолок. Слезы высохли. Мышцы болели. Голод вгрызался в желудок.

Она тайком пронесла руководство для каннуши в свою комнату и отказалась оттуда выходить, отослав Нанако, когда та пришла поинтересоваться, почему же «госпожа» не явилась к ужину. Эми прочитала руководство от корки до корки – сотни страниц сухого описания того, как заведовать храмом. Большая часть раздела про камигакари была и так ей знакома: от особых молитв, которые возносили девочки, мечтавшие стать избранными, до точной диеты, которой Эми придерживалась последние десять лет, и защитных омамори, которые ей приходилось носить – все было упомянуто в книге, причем предельно точно.

А значит – вряд ли в один-единственный абзац закралась ошибка. Руководство так достоверно описывало будни Эми, что она не сомневалась – копией оного пользовался сам Ишида.

И если в этой книге все верно... значит, жизнь Эми строилась на лжи.

Для нее «стать камигакари» всегда означало «стать ками». Она не знала, что именно повлечет за собой союз с Аматаэрасу, однако никто даже не предполагал, что ее собственный разум при этом не уцелеет. До того, как Аматаэрасу выбрала Эми, сотни юных мико питали надежду и молились, чтобы ками обратила взор именно на них. Мало кто заинтересовался бы ролью камигакари, знай они, что придется добровольно расстаться с жизнью.

Меньше чем через два месяца это произойдет с Эми. Тело продолжит существовать, но уже без нее самой. Всемогущий дух Аматаэрасу ее поглотит. Уничтожит.

Первым порывом Эми было спастись от подобной судьбы. В голове пронеслись десятки отчаянных планов, однако руководство отmeldo все до единого. Сбежать нельзя. Во время церемонии, как объяснял автор, проходил ритуал, призванный облегчить нисхождение Амадэрасу, однако его могли провести в любом месте или, в крайнем случае, даже обойтись без него вообще. Амадэрасу ничто не остановит, она найдет Эми хоть на вершине горы, хоть на дне океана и займет ее тело.

Не спасет и попытка лишиться чистоты. Другие камигакари уже пробовали, но Амадэрасу это все равно не останавливало. Да и подобный ход лишь увеличит шансы гибели не только разума и души, но и самого тела. В любом случае девушки по имени Эми не станут – ее жизнь оборвется в восемнадцать лет.

Да и какой была эта жизнь? День за днем Эми постигала искусство мико и молилась, хранила чистоту. Не читала популярные книги, не смотрела фильмы, не пробовала интересные блюда. Ни разу не садилась за руль машины, не летала на самолете, не видела ничего, кроме храмов. Никогда не каталась на велосипеде, не спускалась на лыжах с горного склона, не делала ничего, о чем болтали девочки в частных школах. Эми любила шоколад, но последний раз ела его на седьмой день рождения – шоколадный торт, который приготовила ей мама.

По щекам вновь заструились слезы. Эми стольким пожертвовала ради того, чтобы быть идеальной камигакари... в том числе и родителями. После появления метки Эми забрали в Шион для защиты и обучения. Вначале родители часто ее навещали, однако Эми была так занята и озабочена своей новой судьбой, что иногда проводила с ними всего минут пятнадцать – а добираться к ней им приходилось немало часов. В итоге родители стали приезжать несколько раз в год, в чем Эми едва ли могла их винить. И неважно, как мало времени она им уделяла, ее мама сияла от гордости каждую минуту встречи.

Когда Эми было двенадцать, отец приехал... один. Мама сдалась после двух лет борьбы с раком. Эми даже не знала, что она больна. Мама все от нее скрывала, не желая отвлекать дочь от служения храму. Отец со слезами на глазах рассказал, что она умерла с фотографией Эми в руках. Фотографией, которую родители сделали на недавнем фестивале из толпы, ведь Эми не успела – и даже не попыталась – подойти к ним до или после представления. А потом отец ушел. Больше Эми его не видела. Она пыталась с ним связаться, но отвечал он холодно – если вообще отвечал – и заверял, что не смеет отвлекать ее от

обязанностей. Подспудный смысл был ясен: Эми выбрала будущее камигакари, а не жизнь с родителями.

Она не хотела так поступать. Просто... так вышло. Она не всегда была занята, но родители приезжали, когда ее дни оказывались плотно расписаны. Она постоянно обещала себе, что в следующий раз найдет время или даже попросит Ишиду освободить ей целый день. Но этого так и не произошло. А теперь уже слишком поздно.

Слезы стекали по щекам в волосы. Раньше Эми не понимала, насколько она одинока. Мама умерла, отец не собирался прощать дочь за причиненную матери боль. Погибла и ее лучшая подруга. А из-за постоянных переездов и тревоги, что по ее вине пострадает кто-нибудь еще, Эми так и не завела ни с кем близкой дружбы.

Она села и, вытерев слезы, вытащила шкатулку. Разглядывая ее содержимое, она все больше приходила в ярость с каждым бесполезным камешком, пером и цветком, который отбрасывала в сторону. Все они были связаны со знаменательными событиями в ее жизни. И так или иначе – с камигакари. Должно же найтись хоть одно важное воспоминание, не имеющее ничего общего с храмами. Что-то вне этой паутины лжи.

Но ничего не нашлось. Эми слишком хорошо исполняла роль верной, послушной камигакари.

Осталось всего два месяца, а ей и похвастаться и нечем – не сохранилось никаких особенных впечатлений. Отчаяние, нежелание мириться с такой несправедливостью встали в горле комом, не давая дышать. Неужели все? Разве это жизнь? И она оборвется через несколько коротких недель?..

Эми зажмурилась и стиснула шкатулку. Даже если можно было избежать гибели в день солнцестояния, что тогда? Воспользовалась бы Эми этим шансом? Пренебрегла бы долгом? Она ведь вызвалась сама, а бросить все накануне церемонии – страшнейший позор. Амаэрасу нуждается в сосуде. Если Эми им не станет, ками придется начать все заново с другой камигакари, ждать еще десять лет. И жизнью невольно пожертвует другая девочка.

Эми повернулась к своему маленькому алтарю. На нем стояла деревянная миниатюра храма с белыми вазами по бокам и блюдами для подношений. А в центре – зеркальце, воплощавшее шинтай, через который Аматаэрасу передавала силу во время молитвы.

Эми с детства любила Аматаэрасу, самую добрую и мягкую из амацуками. Радовалась, предвкушала, что сольется с духом ками, даже зная, что наверняка утратит часть себя. Сильно ли отличалась ее настоящая участь от того, что девушка предполагала?.. Эми потеряет не часть, всю себя; это больше похоже на смерть, чем на слияние. И все же гибель грозила ей с самого начала – просто теперь из вероятной она стала неминуемой.

Однако Эми выбрала этот путь сама. Аматаэрасу в ней нуждалась. А мир – в Аматаэрасу. Амацуками ветра отсутствовала уже сотню лет – век нарушенного равновесия, неполного оммё, и ситуация с течением времени все ухудшалась.

Эми вызвалась сама, но ей солгали о том, что ее ждет. Она посвятила этому всю свою жизнь, но ей никто не сказал, что она не выживет. Довести дело до конца – ее долг, но ей солгали!

Резко встав, Эми уронила шкатулку с колен, и содержимое рассыпалось по полу. Эми больше не могла сидеть на месте. Не могла и стоять смирно, сжимая и разжимая кулаки. Сердито вздохнув, она выхватила из шкафа плотное хаори, а потом бросилась за дверь. Из комнаты на деревянный настил, закрытый на ночь панелями, полился мягкий свет. Остальная часть дома была погружена в темноту; до рассвета никто не проснется. Шмыгнув к выходу, Эми обулась и открыла внешнюю дверь.

С неба занавесью сыпались хлопья снега, который, скорее всего, шел довольно долго – сад был укрыт нетронутым белым ковром. Ночной мрак уже начал постепенно отступать.

Эми присела рядом с полкой и достала свои старые школьные туфли, которые положила туда вчера на случай непогоды. Сменив сандалии на туфли, Эми спустилась по ступенькам. Мокрый снег тут же пристал к подошве.

Через несколько шагов Эми замерла. Ей было нужно двигаться, угомонить бурю противоречивых чувств, чтобы мыслить ясно и разобраться в ситуации. Однако

храм стал последним местом, где ей хотелось бы оказаться.

Впрочем, она все равно направилась в его сторону, подумывая, не зайти ли снова в хранилище, но вместо этого ноги понесли ее на север. Мимо дома, по манящей тропе – вернее, снежной глади между деревьями. Конюшня. Свежий воздух, открытое пространство. Куда лучше, чем душное, затхлое хранилище.

Ускорив шаг, она отправилась в лес. Благодаря снегу там было достаточно светло, а из-за безмятежной тишины и кружащих в воздухе белых хлопьев Эми казалось, что она попала в другой мир. Дом скрылся из виду, и ее окружили деревья, покрытые снегом, словно глазурью. Но, несмотря на царящее безмолвие и спокойствие, Эми никак не могла унять бурлящие внутри чувства, которые гнали ее вперед.

Лес поредел и закончился, уступая место пастбищу. Показались и темные силуэты лошадей. Эми открыла калитку и подошла к той, что поближе – вороной с единственным белым носком на задней левой ноге. Животное направило уши. Эми наугад решила, что перед ней мерин.

– Привет, – ласково произнесла она и протянула руку. Конь позволил ей погладить его мягкий нос, а сам принюхался, раздувая ноздри. Эми, улыбнувшись, шагнула ближе. – Какой же ты красавец!

До того, как стать камигакари, она любила лошадей и даже собиралась следующим летом поучиться верховой езде. Коней использовали во время некоторых церемоний и фестивалей – именно поэтому в храме Шираюри держали эту четверку. А как только Эми получила метку, верховая езда попала в самый верх списка слишком опасных для нее занятий: в самом деле, нельзя же камигакари рисковать переломом шеи.

– Они отобрали у меня все, – прошептала Эми, стряхивая снег с гривы коня и приглаживая ее. – Отобрали все в обмен на обещание, хотя знали, что оно не исполнится. Как они могли? Как они могли поступить так жестоко?

Эми прижалась лбом к теплой шее коня. Ее лишили всего обманом, однако роль камигакари была напрямую связана с жертвенностью. Может, истину скрыли потому, что хотели не предать Эми, а облегчить ее ношу?.. Или попросту понимали, что такая правда отпугнет всех желающих.

Эми судорожно выдохнула. Что сделано, то сделано. Она отмечена – и никак не изменит того, что случится в день солнцестояния. Такова ее судьба, таков ее долг. И пусть Эми ожидала совсем иного, она знала, что должна довести дело до конца. Выбора у нее не было.

Сжав дрогнувшие губы, она попыталась сдержать чувства, которые перетягивали ее сердце, словно канат, угрожая его разорвать. Отчаяние, покорность и страх боролись с кипящим гневом из-за предательства тех, кто подтолкнул ее к этому пути.

Конь потерся носом о плечо Эми, словно утешая. Она подняла голову и всмотрелась в его темные глаза. Она так много отдала из-за лжи. Стольким пожертвовала... а вскоре пожертвует и жизнью.

Эми замерла, глядя на коня. Волны отчаяния вдруг отступили. Может, у нее все-таки получится урвать себе глоток впечатлений. Всего один-единственный эгоистичный поступок... это ведь справедливо, верно?

Уже через минуту она обнаружила на ограде присыпанный снегом чомбур и прицепила его к недоуздку коня так, чтобы получились импровизированные поводья. Конь спокойно подошел с Эми к прямоугольному тюку сена, на который она затем забралась – и замерла с поводьями в одной руке. Сердце забилося чаще. Земля и так осталась ужасно далеко, а что будет, если сесть на спину коня?.. Кругом ни души, случись что – никто не узнает. Может, идея все-таки не так уж хороша?..

А ведь она всего лишь хотела совершить хоть что-нибудь, не связанное с ролью камигакари, хоть что-то лично для себя. И если не рискнуть сейчас, то возможности больше не будет.

подавив страх, Эми покрепче ухватилась за гриву коня и перекинула ногу через его спину. Усесться верхом было на удивление просто. Неудобно, правда, но Эми осталась довольна. Мерин дернул ушами в ее сторону и, фыркнув, выпустил облачко белого пара.

Эми широко улыбнулась и гордо расправила плечи. Только посмотрите, она едет верхом! Ну, вернее не едет, а просто сидит. Тоже неплохо. Она справилась! От

столь мятежного поступка по коже пробежали мурашки. Эми всегда была такой послушной... Но возможность решать за себя и делать запретное удивительно пьянила! Эми погладила шею коня, стараясь растянуть это мгновение и запомнить все: тепло и мощь прекрасного животного, то, как он лениво подергивал ушами. Закрыв глаза, Эми представила, как она мчится галопом по пастбищу, как развеваются за спиной ее волосы, в лицо бьет холодный ветер, а вокруг вихрем носятся снежинки.

Помечтав еще минутку, Эми печально вздохнула. Да, она была довольна своим крошечным, но смелым приключением, однако преисполнилась невыносимой тоски о том, чего никогда не испытает. Теперь жалость Катсуо стала ей понятна. Вздохнув еще раз, Эми наклонилась, чтобы аккуратно соскользнуть обратно на тюк сена.

Конь вдруг топнул копытом и наострил уши. Эми замерла, пытаясь увидеть, что же его насторожило... и поняла, что он смотрит на калитку. Распахнутую.

Эми забыла ее закрыть!

Мерин снова всхрапнул. Эми ощутила, как напряглись его мышцы, и поспешила натянуть поводья, но не успела. Конь резко опустил голову, дергая свою наездницу вперед, и сорвался с места.

Эми взвизгнула, отчаянно цепляясь за поводья под грохот копыт. Ветер трепал ее собранные в хвост волосы. Мерин вылетел из калитки на тропу, взметая снег. Остальные три лошади заржали, как будто подбадривая собрата, который несся вдоль ограды прочь от конюшни. Эми прижималась к его спине, от страха заходясь беззвучным криком. Она дергала за поводья, но конь не обращал на это никакого внимания. Он бежал, наслаждаясь движением. Поляна кончилась, и они очутились в лесу. Закружившийся повсюду снег окрасил мир в белый. От ледяного ветра – куда более колючего, чем в мечтах Эми – онемело лицо.

Паника вышибла из головы все мысли. Исчезло и ощущение времени. Все, на что была способна Эми, – это держаться. Мимо проносились деревья, тропа уходила все выше и выше. Мерин, казалось, прекрасно знал дорогу, ни разу не замедлился на развилках и лишь изредка слегка снижал скорость. Слева вздымалась гора, справа был крутой спуск.

Очередной поворот... и вдруг путь преградило поваленное дерево.

Конь испуганно заржал и остановился как вкопанный – а наездница, не удержавшись, перелетела через его голову.

Эми упала за лежащим стволом и забарахталась в снегу, ослепленная болью... а потом земля вдруг оборвалась. Съезжая вниз ногами вперед, Эми чудом не врезалась в деревья, которые проносились мимо темными пятнами среди листвы и снега.

Склон постепенно выровнялся, и безумный спуск подошел к концу. Эми лежала на спине, впиваясь пальцами в отсыревшие опавшие листья. Голова кружилась, на волосах таяли снежинки. Тело болело от макушки до пят.

Тяжело дыша, Эми осторожно села и поморгала. Деревья. Ее окружали зеленые сосны, разлапистые ели, спутанные ветви кленов и дубов, украшенные разноцветной листвой. В воздухе плясали снежинки, глубокие ночные тени неспешно отступали перед едва зарождающейся зарей. Земля здесь была почти ровной. Эми глянула вверх, на след, который сама же оставила в снегу, и содрогнулась – каким же крутым был склон! Она не видела ни верха обрыва, ни коня, ни тропы.

По венам растекся набирающий силу страх.

Эми очутилась в лесу, совсем одна. В северных горах. Тех самых, о которых предупреждал Катсуо. Тех, что кишат ёкаями. И никто не знал, что она покинула спальню.

Глава 7

Паниковать было нельзя. Эми понимала: паника ни к чему хорошему не приведет, а только лишит ее способности думать – крайне необходимой сейчас.

Эми сидела в снегу, не желая шевелиться, – словно верила, что если сойти с места, все станет хуже. Она одна в лесу... Но не могла ведь она оказаться

совсем уж далеко от храма?.. Жуткая, бесконтрольная скачка продлилась всего несколько минут – значит, до него не больше пары миль, верно?

Пара миль до храма. Не так уж плохо. Она дойдет за час или даже меньше, так? Может, даже никто еще не успеет проснуться. Небо посветлело, но рассвет еще не коснулся горизонта на востоке. Эми огляделась. А где вообще восток? Как найти дорогу к храму? Тропа вроде уходила на север, но затем начала изгибаться, следуя рельефу горы, поэтому вполне могла увести в другую сторону.

Внутри вновь поднялась волна паники, которую едва удалось сдержать. Эми скатилась по склону. Храм располагался у подножья горы, с юга. Значит, надо просто идти вдоль утеса.

С трудом встав, Эми отряхнулась от снега. Тело все так же болело, а мышцы вспыхивали огнем от малейшего движения, однако ничего не было сломано. Не обращая внимания на боль, Эми принялась сосредоточенно поправлять одежду и вытаскивать из волос листья. Тоненький внутренний голосок посмеялся над подобной глупостью – ишь, переживает за свой внешний вид в такое время, – однако привычные действия помогли ей успокоиться. Она взяла себя в руки.

Оглянувшись на крутой склон еще раз, Эми направилась в противоположную сторону. Надо просто идти вперед, у нее все получится. Опомниться не успеет, как вернется в храм. Под ногами хрустели листья, нарушая безмолвие леса. Эми щурилась, стараясь разглядеть дорогу среди темноты и снегопада, и крепко обхватывала себя руками.

В лесу было так тихо, что собственное дыхание казалось Эми слишком громким. Она металась взглядом по снегу – от ветки к ветке, ища в тенях движение. А потом вдруг замерла на полушаге, завидев странные следы. Всмотревшись в них, она решила, что крошечные отпечатки копыт оставил кабан. В этих горах водились дикие кабаны. Эми заставила себя отвести взгляд и зашагала дальше. Лесные животные волновали ее куда меньше, чем местные обитатели-ёкаи, но следы последних она вряд ли бы обнаружила – по крайней мере, пока не стало бы слишком поздно.

Эми огибала деревья и низкие кусты, а ее самообладание, словно стая волков, терзали безумные мысли. Да что с ней такое? Что за детские выходки? Разве то,

что она сбежала из комнаты посреди ночи, а потом взлезла на спину незнакомому коню, могло что-то исправить? Стоило калечиться ради пары минут адреналина?

Что будет, если остальные заметят ее исчезновение? В комнате бардак, по полу разбросаны памятные для нее безделушки. На виду лежит как личный дневник, так и руководство каннуши. Нужно вернуться раньше, чем все это обнаружат. Если Эми успеет вовремя, никто даже не узнает, что она ходила к конюшне. А пропажу лошади спишут на порыв ветра, который распахнул калитку. Все будет хорошо.

Цепочка мыслей прервалась, стоило Эми увидеть впереди разворошенный снег. Она замерла. На земле как будто повалился кто-то немалого размера – причем совсем недавно, судя по едва притрусившему это место свежему снегу. Неужели ёкай? Насколько он близко? Эми осмотрелась, силясь разглядеть что-нибудь. След вел вверх по крутому склону и скрывался в темноте.

А потом она увидела еще одни следы, уходящие в лес. Ее собственные. То есть это не чудовище забралось на склон, а она сама с него свалилась. Эми вышла туда, откуда начала путь.

Паника прорвалась наружу, чуть не захлестнув последние трезвые мысли. Прошла по кругу? Как же так? Она ведь была уверена, что идет прямо!

Где-то минуту Эми заламывала руки и задыхалась, но затем справилась с собой. Она встала лицом к склону, развернулась на сто восемьдесят градусов и, выбрав дерево вдали – на границе своего поля зрения в темноте, – направилась к нему. Достигнув цели, Эми повторила то же самое с другим деревом. А потом еще и еще.

Лес казался безмолвным, неподвижным, в нем царил сонная атмосфера. Сколько прошло времени? Двадцать минут? Тридцать? Размеренное дыхание Эми повисало перед ее лицом облачками пара. Не было видно ни храма, ни поляны, ни даже тропы. Землю укутывал снег, так что Эми могла наткнуться хоть на дюжину троп, сама того не ведая. Она даже не знала, по-прежнему ли спускается. Небольшие холмики и овражки мешали сориентироваться, пока Эми не запуталась окончательно. Она в отчаянии стремилась к очередному дереву и надеялась, что до сих пор идет на юг – если вообще изначально не ошиблась с

направлением.

– Кар!

Эми отпрянула от неожиданности и, потеряв равновесие, чуть не упала. Она запрокинула голову, подставляя лицо холодным снежинкам. На ветке дуба сидела черная ворона. Птица наклонила клюв и снова хрипло каркнула, раскалывая лесную тишину.

– Тш-ш-ш! – зашипела Эми, но без толку.

– Кар!

Разозлившись на ворону, Эми снова опустила голову и вдруг поняла, что потеряла выбранное дерево. Она стояла посреди покрытой нетронутым снегом полянки... и не представляла, куда дальше двигаться.

– Кар, кар, кар!

– Да тише ты! – прорычала Эми, ссутулив плечи.

Какое же дерево?.. Эми была почти уверена, что никуда не поворачивала, но ведь подпрыгнула же она на два фута от испуга. Оглянувшись на свои следы, Эми попыталась понять, шли они по прямой или чуть заворачивали влево.

– Кар, кар, кар!

Эми стиснула зубы. Птица вдруг умолкла.

Не сдержавшись, Эми вновь посмотрела вверх. Ворона, застыв, словно статуя, уставилась на деревья справа. Тишина давила. Сердце колотилось в груди, по венам растекался страх – новый, не такой, как прежде. Страх, что змеей скользил по земле, обвивал кольцами лодыжки, тянулся холодом к сердцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://telnovel.com/mari_annett/alaya-zima

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)